

0-787246

На правах рукописи



БАКАЛОВА Зинаида Николаевна

**СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПРОТИВИТЕЛЬНОГО ТИПА
В СИСТЕМНОМ И ТЕКСТОВОМ АСПЕКТАХ**

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Самара – 2010

Работа выполнена в Поволжской государственной
социально-гуманитарной академии

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Урысон Елена Владимировна;

доктор филологических наук, профессор
Карпенко Людмила Борисовна;

доктор филологических наук, профессор
Шестак Лариса Анатольевна

Ведущая организация – Российский государственный
педагогический университет
им. А.И.Герцена

Защита состоится 17 «сентября» 2011 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.218.07 в Самарском государственном универ-
ситете по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского
государственного университета

Автореферат разослан 10 «сентября» 2011 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г.Ю. Карпенко

Карпенко Г.Ю.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000675898

Общая характеристика работы

Под противительными отношениями на уровне сложносочиненного предложения в лингвистике подразумевается «вид сочинительных отношений, констатирующих противопоставление или сопоставление ситуаций, названных частями этого предложения» (А.М.Ломов. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. 2008: 273). Противительные отношения формально создаются и обнаруживаются в первую очередь противительными союзами А, НО и др. как основными конституирующими элементами сложного предложения при поддержке его лексико-грамматического наполнения, т.е. разноуровневых средств русского языка (антонимов, синтаксического параллелизма, позиции предметов речи, форм сказуемых и пр.). В устной речи противительные отношения реализуются интонацией (логическими ударениями, паузами, тембром и другими голосовыми модуляциями произнесения компонентов сложного предложения), ибо просодия служит ярким и выразительным средством вербализации не только нюансов противительной семантики, но и эмоциональной оценочности содержания.

Синтаксическая наука характеризуется значительными достижениями в осмыслении сочинительных отношений русского языка, осуществленными на протяжении более полувека, начиная с работ И.А.Поповой (1950) и Е.И.Дибровой (1954). Однако основные принципиальные вопросы внутренней системной организации сочинительных конструкций, их соотносительности друг с другом и особенно вопрос о специфике их функционирования в тексте остаются неисчерпанными и дискуссионными. В наибольшей степени это, на наш взгляд, относится к противительным (адверсативным) предложениям. Союз А, например, до сих пор называют словом с «тонкой, почти неуловимой семантикой», а его значение «загадочным» (Е.В.Урысон).

Актуальность работы.

К настоящему времени круг актуальных проблем изучения сложносочиненных предложений адверсативного типа сводится к следующему:

- все еще несовпадающим образом квалифицируется семантика некоторых адверсативных союзов, включая доминирующие, казалось бы, многократно исследованные союзы А и НО;
- по-прежнему смешиваются значения самих союзов и их «употреблений», т.е. микроконтекстов с типизированным соотношением лексико-грамматического состава сложного союзного предложения, что приводит к противоположным выводам об однозначности-многозначности союзов и даже об их семантической-асемантической;
- предлагаемые классификации противительных сложносочиненных предложений с каждым союзом либо не совпадают друг с другом по выделяемым структурно-семантическим вариантам – ССВ, (по-иному – подтипам, «субстанциональным значениям», регулярным реализациям, модификациям), либо не проясняют до конца специфику внутренних отношений таких ССВ, составляющих компоненты единой системы. В итоге отсутствует детализированное описание как системной организации предложений с отдельными сою-

зами, так и всей категории адверсативности на уровне русского паратаксиста. Лингвистический статус ССВ определяется по-разному: их называют то фактами языка, то фактами речи;

- несистематизированно и далеко не полно характеризуются в научной литературе парадигматические связи синонимического характера в области адверсативности;

- не существует полной убедительной и детализированной картины функционирования сочинительных, в том числе и противительных, союзов в текстах, в первую очередь, художественных. Результаты наблюдений такого рода в отдельных работах весьма разнородны, не подчинены каким бы то ни было общим критериям.

Эта совокупная дискуссионность или неразрешенность названных проблем осложняется сменой векторов лингвистических интересов в связи с новыми направлениями в языкознании: сдвигом научной лингвистической парадигмы от структурно-семантической к антропоцентрической; проявлением интеграции разных наук, обозначившим новые, нетрадиционные аспекты и возможности изучения языковых единиц; переакцентировкой современного языкознания с изучения языка как системы знаков на изучение языка как деятельности и ее результатов, на текстовые механизмы порождения смыслов; экспланаторностью (стремлением найти объяснение языковым и речевым фактам) как существенным признаком современных лингвистических исследований.

Проблемы изучения категории адверсативности обусловлены рядом объективных и субъективных трудностей теоретического и методического характера. Это:

- абстрактность значений союзов, доходящая, по мнению некоторых ученых, едва ли не до уровня «семантической опустошенности», когда семантика союза настолько широка, что допускает в рамках А-высказываний возможность реализации смыслов, близких к противоположным, например, соединительного сопоставления и несоответствия;

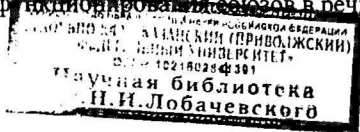
- явления семантической неоднозначности (т.е. наличие трудных для разграничения смыслов), именуемые в науке синкретизмом, диффузностью, переходностью, сращением, совмещением, комбинированием;

- в ряде случаев нечеткость лексико-грамматической (формальной) выраженности адверсативной семантики;

- имплицитность выражения инвариантных значений адверсативности на некоторых ее участках (например, при реализации несоответствия и ограничения);

- изучение адверсативных предложений в отрыве от широких контекстов их употребления, без учета дискурса и фоновых знаний, которые во многих случаях могли бы уточнить характер интерпретации конкретных использований союзов в речи;

- неразработанность четких методических путей изучения некоторых участков адверсативного знания, особенно в сфере синонимического взаимодействия союзов и фактов их употребления в речи.



Методологическая программа настоящей работы состоит в следующем:

I. Философская база исследования – основные положения материалистической диалектики о всеобщей связи явлений, о категориях общего и частного, конкретного и абстрактного, формы и содержания, об отношении языка к действительности, мышлению и психике человека.

II. Лингвистическая база исследования:

- понимание языка в целом как объекта, устроенного на основе системной дихотомии сходств и различий (Ф.Соссюр и др.), и такое же представление сложносочиненного предложения как синтаксического фрагмента языка во всех составляющих его звеньях (Н.Н.Холодов);

- представление системы синтаксических конструкций в виде поля с центром и периферией, с участками переходного характера (В.Г.Адмони, В.В.Байцева);

- утверждение широких возможностей соотносительности звеньев одних и тех же общих синтаксических категорий, в том числе и категории противительности;

- осознание функционализма как центрального принципа в современных исследованиях языка, в частности, синтаксиса (С.Г.Ильенко, А.В.Бондарко, Г.А.Золотова, М.А.Шелякин, В.Б.Касевич, Е.С.Кубрякова, К.Я.Сигал, Н.К.Онипенко, Е.И.Костанди и др.). «Функционализм в широком понимании – такой подход в науке, когда центральной ее проблемой становится исследование функций изучаемого объекта (назначения), приспособленность языковых средств к выполнению задач <...> Общим постулатом функциональной лингвистики служит положение о том, что язык представляет собой инструмент, орудие, средство, наконец, механизм для осуществления определенных целей и реализаций человеком определенных намерений – как в сфере познания действительности и ее описания, так и в актах общения, социальной интеракции, взаимодействия с помощью языка» (Е.С.Кубрякова);

- определение современной лингвистики как науки полипарадигмальной (Е.С.Кубрякова, В.А.Маслова, Н.Ф.Алефиренко и др.), объединяющей традиционную структурно-семантическую парадигму и возникшую в последней трети XX века антропоцентрическую парадигму, распадающуюся на ряд направлений (в терминологии некоторых исследователей самостоятельных парадигм, например, когнитивной и коммуникативной). Объектом структурно-семантической парадигмы служит анализ значений языковых единиц, облеченных в определенную форму. Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, который ставится во главу угла во всех теоретических предпосылках научного изучения языка.

В настоящей диссертации осуществлена опора (в разной степени) на обе действующие парадигмы лингвистического знания, поскольку одна дополняет другую, что создает новые возможности теоретических интерпретаций языковых и речевых фактов. Обе названные парадигмы предполагают функциональный подход к языку. «Функционализм как таковой – не одна из существующих школ, это необходимое магистральное направление лингвистики, способное

интегрировать все позитивные аспекты, которые усматриваются в ряде существующих теоретических подходов» (В.Б.Касевич);

- необходимость дискурсивного анализа языковых единиц, т.е. органической связи с вертикальным и горизонтальным контекстами художественных произведений, пресуппозициями и интенциями автора;

- целесообразность обращения к смежным наукам: логике, психологии, литературоведению, без помощи которых в настоящее время невозможно полное лингвистическое знание в области языка и речи (по образному выражению Е.С.Кубряковой, без «экспансионизма»).

Методика исследования противительной связи должна соотноситься с методологией. Традиционно в рамках сложносочиненного предложения изучались обобщенные «употребления» сочинительных союзов (ССВ), выделяемые методом учета их типизации с точки зрения их формы и содержания (В.А.Белашапова, Н.Н.Холодов, М.В.Ляпон и многие другие). Затем на основании сопоставления и анализа таких выделенных ССВ, а также сравнения противительных предложений с разными союзами объяснялось языковое значение конкретного союза (если утверждалась его однозначность), или его разные значения (при многозначности союза), или же отсутствие семантики союза (при констатации его асемантической, то есть функции формальной скрепы); выстраивались умозаключения о системном строении сочинительных конструкций и высказывались предположения о взаимодействии предложений с разными союзами. Предпринимались попытки казавшегося более объективным логического анализа сочинительных союзов на материале русского (Ю.И.Левин, Г.Е.Крейдлин и Е.В.Падучева и др.) и английского языков (В.И.Жельвис и Т.А.Дебольская), небезынтересные для уточнения семантических «портретов» сочинительных союзов. Новая, антропоцентрическая парадигма потребовала своей методики, которая ориентировалась бы на человека, до сих пор остававшегося если не за бортом языкового исследования, то на его периферии. Таким человеком прежде всего является автор высказываний, отражающий в речевых актах свой взгляд на мир, свою «языковую картину мира». Основным способом изучения авторских интенций стала служить интроспекция как опора на «взвешенную» языковую интуицию исследователя, во избежание субъективизма подкрепленную лингвистическим или психолингвистическим экспериментом. В настоящей работе использовались все названные выше взаимодополняющие методы и приемы исследования вкупе с теми, которые будут указаны в пункте «Новизна исследования». Анализ выполнен, в основном, в направлении от формы к содержанию и к функциям.

Объектом настоящей работы стали сложносочиненные противительные конструкции современного русского языка, **предметом** – их системная организация, соотносительность и функционирование в тексте.

Исследование проводилось на материале сложносочиненных предложений, поскольку они с максимальной полнотой концентрируют почти все возможности выражения частных значений противительности. В целом было проанализировано 12000 сочинительных высказываний, извлеченных, главным

образом, из произведений русской литературы XX века, более 7500 из них составляют речевые факты, полученные методом сплошной выборки.

Цель настоящего исследования – выявление принципов и специфики системной организации сложносочиненных противительных предложений русского языка и особенностей их функционирования в русской художественной речи (текстах). Цель достигается посредством постановки и решения следующих основных исследовательских задач.

I. С учетом двух действующих лингвистических подходов к анализу языковых фактов – структурно-семантического и антропоцентрического – дать детальное представление о системной организации сложносочиненных предложений с каждым адверсативным союзом и о системном строении категории адверсативности на уровне русского сложносочиненного предложения в целом.

II. Исследовать соотносительность (синонимичность) конструкций с доминантными сочинительными союзами А и НО, представив их синонимические отношения как микросистему с преимущественными отношениями подобия.

III. Описать систему функционирования адверсативных предложений в художественной речи двумя путями:

а) с учетом дискурсивных механизмов порождения адверсативных смыслов в произведениях русских писателей;

б) с опорой на понимание художественного текста как коммуникативного акта, предполагающего в качестве объекта сообщения денотативную, концептуальную и экспрессивную сферы семантического пространства художественного текста и пронизывающего их подтекста, что целесообразнее было проследить на материале одного произведения в его полном целостном виде – романа М.Булгакова «Белая гвардия», где сочинительная связь явно доминантна¹. Именно: 1) проанализировать значимость сочинительной связи для выражения последовательности и иерархии описываемых ситуаций в первой главе «Белой гвардии» (денотативный, или информативный, план), а также дать образцы анализа семантической структуры фрагментов текста, которые, как на синтаксическом каркасе, основываются на сочинительной связи; 2) описать роль сочинительных конструкций в репрезентации базовых концептов булгаковского романа (концептуальный, или понятийный, план); 3) выявить способы вербализации авторской экспрессии средствами сочинительных конструкций с учетом экстра- и интралингвистических факторов; 4) охарактеризовать специфику текстообразующей роли сочинительной связи; 5) выявить роль сочинительной связи при формировании подтекста в романе «Белая гвардия»;

¹ При анализе романа «Белая гвардия» нами рассматриваются функции не только противительных союзов А и НО (малочастотные союзы единичны), но и соединительного союза И – по той понятной причине, что одно сочинительное отношение дополняет и оттеняет другое, создавая в совокупности неразрывную картину функционирования русского паратаксиса. По этой же причине в романе анализируются сочинительные связи сложносочиненного предложения в сравнении с другими текстовыми построениями (самостоятельными высказываниями, ССЦ, подглавками и главами романа).

б) раскрыть возможности средств сочинительной связи в отражении черт «текстовой личности» автора в мировоззренческом и профессиональном планах.

IV. Помимо научной интерпретации языкового материала, в диссертации ставится задача разработать надежную **методику** (способы и приемы) исследования адверсативных предложений в их двояком языковом проявлении: в виде противопоставления предложений с разными союзами и в виде их подobia (синонимии), а также о методике установления определенных закономерностей функционирования союзов в художественных текстах.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в утверждении:

1) трех основных теоретических положений, связанных с системной организацией категории противительности в языке и художественной речи:

- факта полевой характера систем адверсативных предложений с каждым конкретным союзом в виде ряда оппозиций ССВ и связанности их определенными инвариантными значениями, а также системного строения лексико-грамматической категории адверсативности в рамках сложносочиненного предложения;

- факта системных синонимических связей предложений с противительными союзами;

- наличия специфической речевой системы употребления основных сочинительных союзов в текстах художественного стиля;

2) ряда более частных положений, касающихся:

- синтаксического статуса ССВ, объединяющих признаки языка и речи;

- однозначности адверсативных союзов;

- их стилистической характеристики;

- возможностей передачи подтекстных смыслов средствами сочинительной связи;

- эффективности использования противительных союзов в организации «золотого сечения» художественного текста;

- методики изучения системно-текстового аспекта сложносочиненного предложения.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы при дальнейшем научном анализе сложных союзных предложений русского и других языков, в вузовском преподавании русского языка и стилистики, в лексикографическом описании сочинительных союзов, а также в практике перевода с русского языка на другие.

Новизна исследования соотносится с его актуальностью. Она видится в том, что в диссертации:

- разрабатывается новый подход к системному описанию противительных предложений в виде их полевой организации;

- уточняется синтаксический статус адверсативного звена сложного предложения по его соотношению с другими разновидностями сложносочиненного предложения, со сложноподчиненным предложением, а также по признаку выражаемого эгоцентризма. Близость к гипотаксису доказывается значительной долей семантики несоответствия, синонимичного уступке (в А-системе –

25,5%, в НО-системе – 75%), а также возможностью взаимозамены союзов НО и ХОТЯ. Признак эгоцентризма видится в наличии у адверсативных высказываний (прежде всего с союзом А) элемента значения «эго» говорящего, проявляющегося в субъективном взгляде автора речи на утверждаемые различия предметов сообщения, иными словами, – в ощущении «Я» субъекта речи, обусловленного его миропониманием и его интенциями;

– впервые системно и детализированно прослеживается соотносительность доминантных адверсативных союзов А и НО и в основных чертах – их соотносительность с малочастотными противительными союзами. Выявляются причины, условия и результаты синонимического взаимодействия противительных союзов;

– адверсативная проблематика освещается путем комплексной методики исследования, объединяющей достоинства обоих действующих научных подходов: структурно-семантического и антропоцентрического. Такой синтез обусловил разноплановость рассмотрения русских противительных предложений;

– впервые коммуникативная предназначенность сочинительных предложений в художественной речи анализируется с позиций дискурса и проблематики художественных текстов. Доказывается, что исследование противительных высказываний в указанных аспектах служит ярким проявлением и уточнением функционально-коммуникативного направления анализа языковых единиц. Т.о., новизна функционального подхода состоит в создании концепции текстовой стилистики сочинительных конструкций и адекватной ей методики анализа, а также в доказательстве и иллюстрации того, что мощный функционально-коммуникативный заряд сочинительных конструкций целесообразно представлять и объяснять в конкретных идиостилиях писателей, наиболее полно выявляющих эстетический потенциал сочинительных отношений.

Новым в методическом отношении служат: 1) использование оппозиционного приема анализа языковой А-системы; 2) применение полного набора логических схем для анализа семантики несоответствия как частной разновидности категории противительности и соотносительности союзов А и НО в этой сфере; 3) методика выявления синонимических связей предложений с союзами А и НО с учетом условий возможности или невозможности взаимозамены союзов; 4) проведение психолингвистического эксперимента со студентами-филологами в целях уточнения семантических различий союзов А и НО; 5) методика выявления текстовой роли синтаксических единиц служебного характера в связи с текстовыми категориями и дискурсом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Инвариантным значением категории противительности на уровне сложносочиненного предложения является *сопоставление как констатация актуальных различий объектов речи с точки зрения субъекта речи*. Все противительные союзы русского языка, различные по своему семантическому объему, по стилистическим нюансам и по степени интенсивности проявления адверсативных смыслов, конкретизируют общее значение сопоставления в соответствии со своими специфическими особенностями. Наиболее широкий диапазон различий передает союз А. Другой доминантный противительный

союз – НО – реализует различия лишь противоположного характера (противопоставление), выраженные преимущественно имплицитно, в подтексте логической структуры адверсативности. Т.о., союз А, будучи выразителем наиболее абстрактного значения, находится с другим не менее распространенным в русском языке союзом НО, как и с малочастотными союзами ЖЕ, ОДНАКО, ЗАТО и пр., в логических отношениях «род-вид».

2. Противительные союзы, за некоторыми исключениями, по своей языковой природе стилистически нейтральны. Однако в союзах А и ЗАТО заложена потенциальная возможность проявления в определенных условиях коннотативных смыслов.

3. Сложносочиненные предложения русского языка с каждым противительным союзом представляют собой системную организацию по принципу *синтаксического поля*. За единицы полевой системы следует брать типизированные с точки зрения семантики и структуры варианты реализации адверсативных языковых моделей предложений с каждым конкретным союзом, которые противопоставлены друг другу по их дифференциальным значениям, детерминируемым лексико-грамматическим наполнением высказываний, но связаны единой языковой семантикой союза.

4. Структурно-семантические варианты как единицы адверсативных систем характеризуются *размытым статусом языковой подмодели*.

5. Инвариантность широкого сопоставительного значения, проявляющегося (пусть по-разному) во всей совокупности микрополей с каждым адверсативным союзом, дает основание утверждать факт *моноцентричности* адверсативной системы во всей ее целостности.

6. *Общий синтаксический статус* адверсативных конструкций в системе сложного предложения определяется не только традиционной семантической оппозицией адверсативности к соединительности и разделительности, но и их оппозициями 1) по близости-дальности к сложноподчиненному предложению и 2) по признаку выражения эгоцентризма. Противительные предложения в большей степени, нежели соединительные и разделительные, ближе к сложноподчиненному предложению и в большей степени связаны с субъектом речи (более эгоцентричны).

7. Адверсативные подсистемы с каждым союзом находятся между собой в *синонимических отношениях*, что проявляется в возможности взаимозамены союзов на значительных по объему речевых участках их функционирования. Взаимозамена иллюстрирует разные результаты в зависимости от характера взаимодействия вещественного наполнения предложения и противительного союза. Замена одного союза на другой имеет ряд ограничений логико-семантического, структурного, стилистического и фразеологического характера.

8. Системная организация адверсативных предложений существует не только в языке в виде синтаксических полей с превалирующими отношениями противопоставления и синонимических рядов с превалирующими отношениями подобия, но и в тексте. *Текстовая адверсативная система* в художественном произведении выражена менее четко, нежели языковая, поскольку в большей степени зависит от разнообразных внеязыковых факторов (пресуп-

позиций, мировоззренческих и психологических особенностей субъекта речи, его конкретных интенций и проч.), однако хорошо иллюстрирует прагматические цели повествования. Целесообразность обращения в нашем исследовании к одному литературному произведению – роману М.Булгакова «Белая гвардия» – обусловлена тем обстоятельством, что стилистическая значимость и эстетический потенциал сочинительных конструкций невозможно разноаспектно проиллюстрировать и досконально объяснить вне сплошного анализа «сочинительной поэтики» в конкретном идиостиле.

9. Адверсативные союзы принимают активное участие в реализации рационального и иррационального *подтекстов* художественного произведения.

10. Сочинительные союзы способны детерминировать «золотое сечение» отдельных глав художественных произведений.

11. Отбор и специфика употребления союзных противительных высказываний дает определенные основания для характеристики *языковой личности субъекта речи и отчасти – русского национального характера*.

Научной опорой при изучении сочинительных структур явилась ставшая классической статья И.А.Поповой «Сложносочиненное предложение в современном русском языке» (1950), основополагающие высказывания о служебных словах академика В.В.Виноградова, труды В.В.Виноградова и Л.В.Щербы по лингвостилистике, А.М.Пешковского о лингвистическом эксперименте, лингвистические идеи А.Н.Гвоздева и Е.С.Скобликовой по синтаксису современного русского языка и стилистике, диссертации, монографические работы и статьи исследователей сочинительной связи Е.И.Дибровой, Ю.И.Леденева, Н.Н.Холодова, Г.Ф.Гавриловой, Е.В.Скорлуповской, О.И.Гордеевой, Г.Е.Крейдлиной, Ю.И.Левина, Н.М.Киселевой, Н.В.Усовой, И.Н.Кручининой, В.З.Санникова, Е.В.Падучевой, Е.В.Урысон, Т.М.Николаевой, Л.Д.Беднарской, Н.П.Перфильевой, Е.И.Костанди, К.Е.Сигала, С.И.Клецкой и др.; теоретические работы общего характера Н.С.Трубецкого, Г.В.Валимовой, О.И.Москальской, В.А.Белашапковой, Ю.Д.Апресяна, М.И.Черемисиной и Т.А.Колосовой, А.Ф.Прияткиной, З.Д.Поповой, Ю.А.Левицкого, В.А.Мишланова, В.А.Масловой, А.М.Ломтева, Н.С.Алефиренко, А.Вежицка, Е.С.Кубряковой, В.Б.Касевича, Л.А.Шестак, В.Ю.Копрова; многочисленные работы основателя Санкт-Петербургской научно-педагогической школы по системному и функциональному синтаксису академика С.Г.Ильенко и ее единомышленников; труды А.В.Бондарко о функционально-семантических полях; труды о функционально-коммуникативном анализе языковых единиц М.А.Шелякина, А.Мустайоки, Г.А.Золотовой, Н.К.Онипенко, М.Ю.Сидоровой, Е.И.Костанди; работы, в той или иной мере затрагивающие вопросы эгоцентризма, В.А.Гуреева, Е.В.Падучевой и др.; многочисленные работы по синтаксической синонимике: В.П.Сухотина, И.И.Ковтуновой, Е.П.Шендельс, М.П.Одинцовой, П.А.Леканта, М.Н.Везеровой и др.; исследование о природе коннотативных значений лингвистических единиц Е.М.Галкиной-Федорук, Н.А.Лукьяновой, И.А.Стернина, В.И.Шаховского, С.В.Марченко и др.; труды специалистов по когнитивной лингвистике Е.С.Кубряковой, Е.А.Золотовой, Н.Д.Арутюновой и многих других; учение В.Г.Адмони о полевом строении грамматических еди-

ниц; учение В.В.Бабайцевой о переходных явлениях в русском языке, Н.В.Черемисиной – о «золотом сечении», Ю.Н.Караулова и Н.Д.Голева – о языковой личности; специалистов в области стилистики и лингвистики текста – В.В.Одинцова, Н.М.Шанского, Л.А.Новикова; Н.А.Николиной, Н.С.Болотновой и др., монографии И.Р.Гальперина и Л.Г.Бабенко, представляющие художественный текст в виде сложного коммуникативного акта, а также труды Л.Н.Мурзина и Л.А.Голяковой о подтексте литературного произведения и его суггестивном воздействии, работы о литературной кинематографичности И.А.Мартыановой. Были учтены все доступные нам труды по общим и частным вопросам сочинительной связи не только русского, но и европейских языков (французского, английского, немецкого, испанского), а также многих других языков народов стран СНГ. Мы ощущали помощь трех замечательных словарей последних лет издания – Стилистического энциклопедического словаря русского языка / Под ред. М.Н.Кожинной (2003); Нового объяснительного словаря русских синонимов / Под ред. Ю.Д.Апресяна (2004); Энциклопедического словаря-справочника. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П.Сквородникова (2009).

Апробация работы.

Основные результаты исследования были изложены в 40 статьях, в монографии «Функционально-коммуникативный аспект сочинительных конструкций художественного текста (на материале романа М.А.Булгакова «Белая гвардия»)» (2007), в научных докладах на конференциях, главным образом, международного и всероссийского характера в гг. Самара, Черкассы, Кемерово, Новосибирск, Томск, Барнаул, Омск, Челябинск, Ульяновск, Санкт-Петербург, Москва, Стара Загора, Варна, Смоленск, Иваново, Тольятти, Н.Новгород. Диссертация обсуждена на кафедре русского языка, культуры речи и методики их преподавания Поволжской государственной социально-гуманитарной академии и на кафедре русского языка Самарского государственного университета. Диссертация явилась итогом почти 50-летней работы автора в вузах страны над темой «Сочинительные конструкции в языке и речи», что нашло отражение в разработанных спецкурсах и спецсеминарах, курсах по выбору, дисциплинах специализации, в руководстве дипломными сочинениями, в работе с соискателями.

Структура работы. Диссертация состоит из трех глав, Введения, Заключение, Библиографии, насчитывающей 624 наименования, и включает 4 таблицы и 17 схем.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, его актуальность, формулируются цели и задачи диссертации, определяются методологическая база, методы анализа, новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, излагаются основные защищаемые положения.

Глава 1 – «Системная организация сложносочиненного предложения адверсативного типа» – состоит из шести параграфов.

В параграфе 1.1 выявляются принципиальные основы системного строения сложносочиненных предложений.

Параграф 1.2 посвящен анализу двух действующих научных парадигм, посредством синтеза которых проводится диссертационное исследование, – структурно-семантической и антропоцентрической. Обе парадигмы, предполагаемая в качестве основного предмета изучения семантику языковых единиц, базируются на разных ее показателях экстра- и интралингвистического характера. Структурно-семантическая парадигма предполагает принципиально важной структуру как необходимую форму выражения значения, утверждая тесную взаимообусловленность тандема содержания и формы. В рамках антропоцентрической парадигмы исследуются: 1) детерминированность значения языковых единиц жизненными ориентирами говорящего человека, его пониманием реального мира (иначе – его языковой картиной мира) и его психологическими особенностями и 2) прагматическая направленность языковых единиц. В диссертации утверждается целесообразность полипарадигмальности, т.е. необходимости учета достижений обеих названных парадигм ради более глубокого и разностороннего осознания сути адверсативных конструкций.

В параграфах 1.3–1.5 исследуется системное строение сложносочиненных предложений с каждым конкретным адверсативным союзом. Основная идея главы заключается в утверждении и обосновании принципа **полевого характера строения адверсативных конструкций** союзного типа, обладающего, на наш взгляд, значительной объяснительной силой. За единицы полевой системы приняты типизированные ССВ языковых моделей с противительными союзами, которые противопоставлены друг другу по своим специфическим признакам и связаны общим значением, идущим от самих союзов: сопоставлением предложений – с союзом А, противопоставлением с союзом НО, ограничением – с союзом ТОЛЬКО, возмещением – с союзом ЗАТО и т.д.

Параграф 1.3 посвящен системной организации А-предложений. Набор ССВ модели [] а [] представлен таблицей. Процентны исчисляются из абсолютной цифры 4121 предложение, составляющей корпус исследуемых высказываний с союзом А, собранный методом сплошной выборки.

«Чистое» сопоставление как констатация определенных различий без всяких семантических наслоений наиболее частотно (57,8 %) и включает три разновидности в зависимости от степени (меры) утверждаемого несходства. Выбор объектов сопоставления определяется интенциями автора. Для сопоставления выбираются те из них, которые важны говорящему, сравнение проводится в таком ракурсе, который представляется ему целесообразным. Т.о., сопоставительные отношения отражают взгляд субъекта речи на положение дел. В других, менее частотных ССВ сопоставление (преимущественно в виде противопоставления) тоже имеет место, но оно осложнено названными в таблице противительными значениями, идущими от конкретного лексико-грамматического состава сложного предложения и выраженными либо эксплицитно, либо имплицитно. В зависимости от того, что автору нужно выразить в момент речи, он реализует один из них. Имплицитность сопоставления в виде противопоставления чаще всего свойственна предложениям с семанти-

кой несоответствия, где друг другу противопоставляются спрятанный в его логической структуре должный либо ожидаемый факт факту реальному, названному во втором компоненте: – *Холод сильный, а мне жарко* (В.Кетлинская); – *Тут в самом деле историческое событие, а вы леший знает что несете* (А.Н.Толстой); – *Нажился на поставках, денег девать некуда, а жена его возьми – с полячишком и убежала* (А.Н.Толстой); – *Суетитесь на земле, – тудасюда, тудасюда, а толку никакого. Машин понаделали, а... тыфу!* (В.М.Шукшин).

В большинстве случаев несоответствие построено по логической схеме П1–С2, где П1 означает причину (например, *холод сильный*), которая должна бы повлечь за собой предполагаемое следствие (С1 – не должно бы быть жарко), а в реальности осуществляется другое следствие (С2 – *мне жарко*) какой-то иной причины П2, либо названной в последующем тексте, либо не известной вовсе. Такое положение дел при выражении его союзом А, как правило, окрашено эмоциями субъекта речи. Самые общие причины несоответствия коренятся в языковой картине мира говорящего. Они могут совпадать с общечеловеческими или национальными представлениями, а могут быть и сугубо личными, субъективными. Например, общепринятой нормой, правилом поведения людей является необходимость и целесообразность окончания задуманных или начатых действий (о такого рода нормах см. в работах В.З.Санникова – 2008 и Е.В.Урысон – 2004).

Адверсативные союзы служат маркерами нарушения названных жизненных принципов, т.е. сигналами несоответствия, противоречия им (*хотел, а...; начали было, а...*). Примеры несоответствия в наших материалах составляют чуть более одной четверти всех А-высказываний. Это вполне объяснимо, поскольку между несоответствием и сопоставлением нет антагонизма: сравниваемые факты часто не только различаются, но и противоречат друг другу. Высокий процент предложений несоответствия в А-системе (а выражение несоответствия, как известно, – прерогатива союза НО), очевидно, объясняется не столько тем, что выявление несоответствия актуально для нашей жизни, сколько тем, что союз А дает возможность реализовать и послать реципиенту нужную для автора коннотативную окраску описываемого несообразного положения дел с эмоциональными оценками удивления, недоумения, возмущения и прочими, главным образом, негативными чувствами по этому поводу.

Тот факт, что сопоставление служит семантическим стержнем всех ССВ А-предложений, дает основание утверждать инвариантность его характера. Т.о., ССП с союзом А представляет собой четкую системную организацию как в смысловом, так и в структурном плане. Первое проявляется в наличии общей единой семантики сопоставления А-высказываний, реализуемой в 92,6 % (при этом не столь важно, эксплицитно или имплицитно, более отчетливо или менее отчетливо). Форма выражения сопоставления весьма способствует существованию и осознанию семантической системы, что проявляется в преобладании структурного типа, соответствующего передаче семантики сопоставления: центры сопоставления, их выдвижение в тематическую позицию, соответствие видо-временных и модальных форм глаголов-сказуемых, однотипность

строения в виде параллелизма синтаксической структуры. Возможны разновидности проявления сопоставления с нарушением идеального соответствия структуры сопоставительной семантике, но одно, как правило, неизменно – препозиция предмета речи по меньшей мере во втором компоненте сложного предложения с его функцией темы речевого высказывания, например: – *Дедок позавидовал зайцу: на четырех подпорках хорошо, а человеку дано лишь два слабых столбика* (Ю.Нагибин). В устной речи сопоставление реализуется дополнительными средствами в виде интонации противопоставления в большей или меньшей степени его проявления, логических ударений на сравниваемых предметах речи, пауз между компонентами сложного предложения, повышения голоса в первой его части и понижения в части второй. А-система имеет характер поля с четким сопоставительным ядром, коим служит немаркированный ССВ «чистого» сопоставления в трех своих ипостасях: соединительного, контрастного сопоставления и собственно сопоставления без крайних его проявлений. Сопоставление в целом иллюстрирует совпадение обобщенного значения различий (несходств) предметов речи и формы их вербализации, лидируя в количественном плане (занимая чуть менее двух третей полевой пространства, т.е. больше его половины). Другие ССВ, помеченные маркой какого-либо дополнительного к сопоставлению значения: несоответствия, ограничения, возмещения, обусловленности или присоединения в соответствующей им структурной «упаковке» – составляют околядерные, правда, неодинаковые в количественном отношении, а также в плане отчетливости выражения сопоставления звенья сопоставительной системы. В них в большей или меньшей степени имеет место асимметрия формы и содержания, известное противоречие между конкретной семантикой сложного предложения и обобщенным логико-грамматическим значением языковой А-модели, однако сопоставительная семантика, тем не менее, всегда сохраняется. Изменяется до неузнаваемости и стирается сопоставительное значение только в сугубо периферийных «сдвинутых конструкциях» присоединения, находящихся уже «в иной синтаксической плоскости» (В.В.Виноградов), выражаясь в виде некоего добавления по ассоциациям и фиксируя разрыв типичных для сопоставления линейных связей. Это относит присоединение скорее к синтаксису речи, нежели к системе языка. Наглядное представление о полевой А-системе могут дать таблица № 1 и схема № 1.

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СОЮЗОМ А

№ п/п	Структурно-семантические варианты (ССВ) языковой модели [], а []	Процентное соотношение ССВ	Текстовые иллюстрации ²
1	2	3	4
1	<p>Сопоставление</p> <p>а) соединительное сопоставление как констатация незначительных слабовыраженных различий, близких к сходству (А=И)</p> <p>б) собственно сопоставление (А ≠ И, НО)</p> <p>в) контрастное сопоставление как констатация противопоставления значительных различий (А=НО)</p>	<p><u>всего 57,8 %</u></p> <p>15,6 %</p> <p>32,4 %</p> <p>9,8 %</p>	<p>а) На крыше <u>что-то загрохотало</u>, а пожарные <u>ведра</u>, которые висели оторочкой снаружи над огнем, <u>задребезжали</u> и <u>завязали</u> (Ф.Гладков); <u>Лицо Гурского стало печальным</u>. Толстый <u>нос покраснел</u>, а из-под очков <u>выкатилась слеза</u> (К. Симонов);</p> <p>б) На повороте <u>Ивана и Николу увели</u> в сторону, а я <u>отправился</u> дальше (А. Беляев);</p> <p>– Ну, Казанок, <u>ты посматривай</u> здесь, а я <u>пойду погляжу</u>, где Владимир Ильич (Ю. Нагибин);</p> <p>в) Нам, <u>военным, хорошо</u>, нас обязаны при всех случаях накормить, а <u>гражданским жуть</u> как <u>тяжело</u> (К. Симонов); <u>Не имей сто рублей, а имей сто друзей</u> (Поговорка);</p>
2	<p>Несоответствие (противоречие, дисгармония)</p> <p>а) собственно несоответствие (с имплицитным сопоставлением) (А=НО, ХОТЯ)</p> <p>б) несоответствие + эксплицитное сопоставление (а = но, хотя)</p>	<p><u>всего 25,5 %</u></p> <p>18,9 %</p> <p>6,6 %</p>	<p>а) И опять <u>вторая неделя пошла</u>, а <u>не топят</u> (К.Симонов); <u>Мы отступали</u> перед натиском осатанелого врага, измотанные, обескровленные, а <u>сердце не сдаётся, верит в победу</u> (А. Андреев);</p> <p>б) <u>Командир дивизии одно приказывает</u>, а твои <u>командиры по-другому делают</u> (К. Симонов);</p> <p>– Я тебя <u>спасаю</u>, а ты <u>дерешься</u> (А. Толстой);</p>
3	<p>Обоснование (причина и следствие)</p> <p>а) обоснование + сопоставление</p> <p>б) обоснование + сопоставление + несоответствие</p>	<p><u>всего 6,6 %</u></p> <p>6 %</p> <p>0,6 %</p>	<p>а) – Какой-нибудь пьяный <u>монтажник</u> не так <u>соединил провода</u>, а ты <u>копайся, выясняй</u> (Д. Гранин); – У него (Кузьмы Кузьмича – З.Б.) <u>астма</u>, а все <u>виноваты</u> (А. Толстой);</p> <p>б) <u>Начальники не умеют работать</u>, а ты <u>погибай!</u> (В. Кетлинская)</p>

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
4	<p>Ограничение пределов распространения каких-либо явлений</p> <p>а) собственно ограничение</p> <p>б) ограничение + сопоставление (А=ТОЛЬКО)</p> <p>в) ограничение + несоответствие + сопоставление (А = ТОЛЬКО)</p>	<p><u>всего 2,5 %</u></p> <p>0 %</p> <p>1,7 %</p> <p>0,8 %</p>	<p>а) -----</p> <p>б) – <u>Все переменится, а я не переменюсь</u> к нему, не смогу (К. Симонов); – <u>Я всегда был хозяином положения, а сейчас я беспомощен</u> (Ю. Нагибин);</p> <p>в) Ночь вывездила ко вторым петухам, в Кремле все <u>спят</u>, а у государя в окнах <u>свет</u> (А. Толстой); – <u>Люди за них (за деньги. – З.Б.) душат свою теряют, а для вас они так себе!</u> (М. Горький);</p>
5	<p>Возмещение как компенсация негатива позитивом</p> <p>а) собственно возмещение</p> <p>б) возмещение + сопоставление (А=ЗАТО)</p>	<p><u>всего 0,2 %</u></p> <p>0 %</p> <p>0,2%</p>	<p>а) -----</p> <p>б) – <u>Сегодня вам придется полежать неподвижно, а завтра я разрешу вам вставать</u> (А. Беляев); С его смертью во дворе наступило зловещее уныние, а по всей земле <u>ликование</u>: люди поздравляли друг друга (А.Н.Толстой);</p>
6	<p>Распространительно-присоединительное значение (информационные добавления)</p>	<p><u>всего 7,4 %</u></p>	<p>– Грех попутал, Макарушка... Старуха уговорила, а ночная кукушка, – она перекукует завсегда (М. Шолохов); Минует война, надо будет восстанавливать леса, а это дело, вы знаете, длительное (Л. Леонов); – Он был победителем, а победителей не судят (Д. Гранин).</p>

² Одной чертой подчеркнуты предметы сопоставления, двумя – их предикативные признаки. Дополнительное сопоставление (время, место и пр.) подчеркнуто точкой-тире.

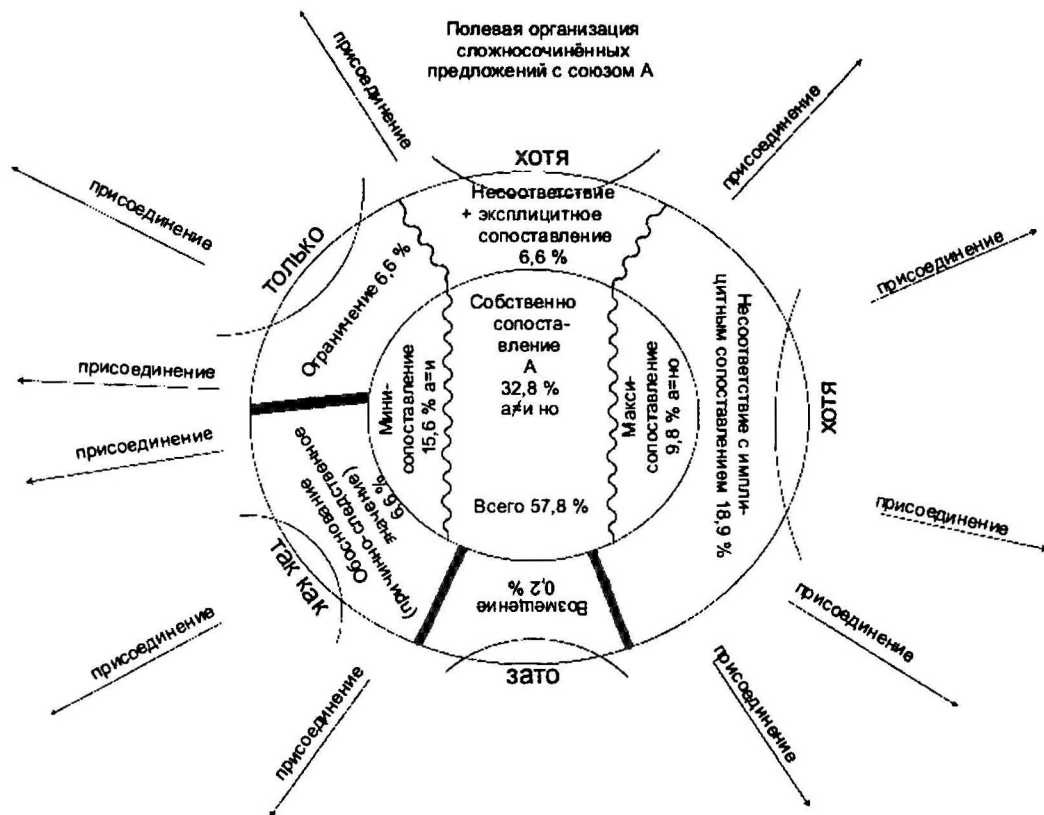


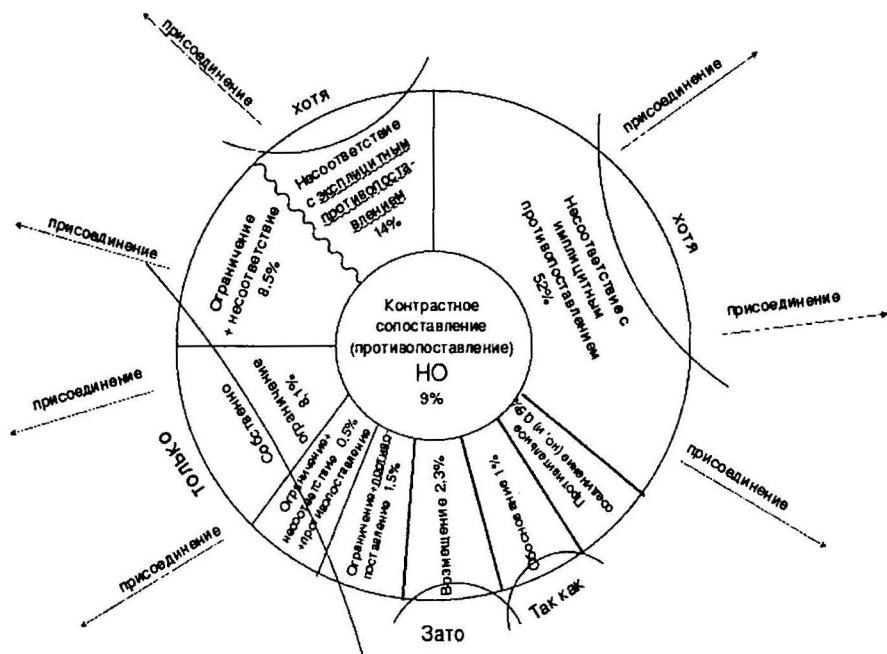
Схема 1

Процентные данные призваны указать на вес частных разновидностей сопоставления в общей А-системе и на их количественные соотношения друг с другом. Круглые скобки с другими союзами по краям поля (ХОТЯ, ТОЛЬКО и пр.) помечают области пересечений с другими синтаксическими структурами. Ломаные линии на границах ССВ символизируют явления синкретизма, которые отнюдь не зачеркивают факт системной организации А-конструкций. Более того, согласно концепции В.В.Бабайцевой, переходные явления, имея универсальный характер, служат в грамматике «важнейшим системообразующим фактором». В диссертации показано, что системное строение конструкций с союзом А находит свое выражение и в различного рода оппозициях ССВ как элементов сопоставительной системы: многомерных, привативных, эквивалентных и градуальных, выявленных Н.С.Трубецким на фонологическом уровне еще в 1938 году, но оказавшихся изоморфными и для синтаксиса сложного предложения.

В параграфе 1.4 описывается системная организация сложносочиненных предложений с союзом НО, очень близкая к А-системе по полевому принципу и по набору ССВ, однако связанных друг с другом сопоставлением не широкого, а более узкого типа – противопоставлением, когда сопоставляются друг с другом не просто различные, но контрастные понятия. Это ССВ противопоставления, несоответствия, ограничения, возмещения, обоснования, противительного соединения и присоединения. Противопоставление вызвано желанием субъекта речи констатировать противоположность каких-либо объектов: – *Раньше из бочки брали воду цветы поливать, но теперь никто ее не брал* (К.Паустовский); *Ранее институт был престижным местом, но после перестройки учреждение захирело* (Д.Донцова). Высказывания по типу несоответствия актуализируют указания субъекта речи на противоречивость противопоставленных фактов. – *У Софьи был муж, был просторный богатый дом, была праздность, были деньги, но она не чувствовала, что владеет хоть чем-нибудь* (Н.Солнцева)

Семантика ограничения обусловлена авторской целью обнаружения неполноты проявления ситуации, которая представляется ему некоей общей закономерностью. Общая и частная ситуации противопоставлены друг другу: – *Всего перечислить не могу, но воспоминание об этой картине сохранилось надолго* (К.Паустовский). – *В принципе я с вами совершенно согласен, но бывают некоторые частности* (М.Веллер). Возмещение предполагает установку на такое противопоставление фактов, второй из которых с точки зрения субъекта речи способен компенсировать негативный характер первого: – *Наука трудна, но плоды ее сладки* (А.Н.Толстой); – *Восхищались им редко, но не уважать его было невозможно* (К.Симонов). В немногочисленных предложениях противительного обоснования говорящему важно показать причинно- или условно-следственные отношения компонентов предложения. Противопоставление по типу должных и реальных фактов при этом глубоко спрятано в структуре сложной конструкции: – *Пойми ты простую вещь: да, я тороплюсь, да, я перепрыгиваю через этапы, я рискую [я не должен бы этого делать], но [я это делаю, так как] только так можно чего-то добиться* (Д.Гранин). Редкие случаи

противительного соединения с помощью рядом стоящих антонимичных союзов **НО** И автор использует для иллюстрации диалектической связи противоположных смыслов несоответствия и соединения. – *Он ваш враг, но он и мой враг* (неожиданные слова Даши Булавиной об отце из романа А.Н.Толстого «Хождение по мукам»). Присоединительные высказывания, как и в случаях с союзом **А**, передают авторские добавления по каким-либо ассоциациям, при этом отношения противопоставления почти сходят на нет: – *Все это верно, но не угодно ли вам пройти в столовую? Там все готово* (А.Н.Толстой); – *Зла ей никто не желал, ей многие завидовали, но зависть совсем другое* (Т.Устинова).



Как показал материал первой главы, ССП с союзами А и НО представляют собой довольно сложно структурированные системы. Их различия при всем их

несомненном сходстве состоят в совокупности следующих характеристик. *Семантические различия* выражаются: 1) в диапазоне инвариантных значений, именно: чрезвычайно широком отвлеченном значении указания на различия любых степеней и вариаций, включая сочетания с другими значениями в А-системе, и более узком значении сопоставления только контрастного типа (противопоставления) в НО-системе. Союз А, обладая наиболее широким денотативным пространством, как бы «годится» на многие случаи маркировки действительности из-за абстрактности значения этого союза от И- до НО-смыслов. А-значение оказывается родовым, НО – одним из видовых значений, наряду со значениями других адверсативных союзов; 2) в количественном преобладании «чистого» сопоставления (т.е. без дополнительных значений), занимающего позицию ядра в А-системе (57,8 %) и в сравнительно небольшом количественном выражении центра НО-поля в виде противопоставления (9 %); 3) в наиболее типичном проявлении НО-системы в виде несоответствия, при котором инвариантное значение противопоставления обычно скрыто в контексте сложного предложения (75%). Преобладание НО-употреблений в виде несоответствия дает возможность программировать значение этого союза и обуславливает возможность его субстантивации в виде противоречия, противовеса, возражения (*Надо взвесить все «но»;* *Его постоянные «но» мешают делу*). Союз А, в отличие от НО, запрограммировать затруднительно из-за разнообразия частных значений сопоставления, по этим же причинам его субстантивация невозможна; 4) в неполном совпадении составляющих компонентов обоих адверсативных полей в виде набора их ССВ, именно: в принципиальной невозможности союза НО реализовать собственно сопоставление и сопоставление соединительного типа и в своеобразии семантики противительного обоснования и противительного соединения; 5) в более жесткой, более ощутимой, более весомой подаче союзом НО второй пропозиции как решающей, тогда как союз А обе пропозиции уравнивает (Ср.: *—Сын хочет поехать учиться в Москву, но отец настаивает на Самарском университете;* и *— Сын хочет поехать учиться в Москву, а отец настаивает на Самарском университете*). На это характерное свойство НО помечать факт доминирования второго компонента указывали В.Н.Перетрухин и Н.Н.Холодов, а В.З.Санников даже настаивает на его введение в толкование самого союза. *Структурные различия* заключаются в более широких формальных рамках функционирования союза НО без требования однородного состава, центров сопоставления, грамматического параллелизма и препозиции предметов речи. *Стилистические отличия* сводятся к тому, что союз НО используется преимущественно в стилистически нейтральной и книжной речи, лишь изредка проникая в экспрессивную разговорную речь. Последнее, на наш взгляд, иллюстрирует намечающуюся тенденцию к расширению стилистических рамок нейтральности союза НО.

Параграф 1.5 содержит системный анализ малочастотных союзов в традиционно выделяемых группах типа А (ЖЕ, ЕСЛИ ТО, МЕЖДУ ТЕМ, В ТО ВРЕМЯ КАК) и типа НО (ОДНАКО, ДА, ЗАТО, ТОЛЬКО, АН, ТАК).

Деление на группу А и группу НО несколько условно из-за перекрещивания значений союзов обеих групп. Каждый из перечисленных союзов имеет

свой специфический характер адверсативного значения, что оправдывает их существование в языке. Они по-своему варьируют инвариантное значение адверсативности, отличаясь семантико-стилистическими нюансами, семантическим объемом, интенсивностью проявления адверсативных смыслов, частотностью употребления, структурой. В качестве примера приведем союз ЗАТО, являющийся одним из самых оригинальных в семантическом отношении и служащий хорошей иллюстрацией антропоцентрической сути языковых единиц, поскольку ЗАТО-высказывания, как правило, «пропитаны» субъективизмом. Языковое значение ЗАТО – возмещение негатива позитивом. Автор высказывания ставит маркер «ЗАТО» между двумя пропозициями в соответствии именно с таким видением соотношения двух ситуаций. Первая из них представляется ему неблагоприятной, тогда как вторая, более оптимистичная, компенсирует названное «прискорбное» обстоятельство. Будучи субъективным репрезентантом адверсативной семантики, союз ЗАТО, предполагая модусный компонент полярной оценки, нередко несет с собой яркую эмоционально-экспрессивную окраску – радость, удовлетворение, приятное изумление и проч.: – *Да черт с ним, что прокатил на спине! Что, действительно, трудно, что ли? Зато теперь с мотором, будь он проклят!* (В.М.Шукшин); – *Баре, конечно, не милостивы, зато у них разума больше накоплено; не про всех это скажешь, но коли барин хорош, так уж залюбуешься!* (М.Горький).

К периферийным значениям предложений с союзом ЗАТО относятся причинно-следственное, несоответствие, сопоставление без возместительной окраски по типу обратного возмещения соотношения: не «плохо-хорошо», а «хорошо-плохо», либо «нейтрально-нейтрально» в оценочном смысле. Причинно-следственное значение, указываемое в некоторых толковых словарях, архаично и не свойственно современному языку в узком смысле понимания современности как языка последних десятилетий. Факты несоответствия редки: – *На улице сыро, промозгло, ноги промокли, зато почему-то душа пела.* Реализацию модели обратного и нейтрального возмещения мы расцениваем как некую сравнительно недавно начавшую проявляться речевую тенденцию: – *Большая картофелина оказалась, слава богу, просто загляденье, зато другая подвела, весь бок прогнил* (А.Волос); – *Он слушал все внимательней и удивленней, зато Наталья совсем перестала слушать* (А.Битов). Высказывания по типу хорошо-плохо – свидетельства нарочитого авторского нагнетания негатива, направленного на оказание особого эмоционального воздействия на адресата. Их называют «псевдокомпенсацией», «ложным возмещением», а Ван Лиган уподобляет их оксюморонам с общей оценкой неприятия, отрицания, иронии, сарказма, создания эффекта абсурдов: – *Прав было маловато, зато обязанностей вагон* (В.Катаев); *Пушки неспособны расстрелять идею, зато они великолепно убивают людей* (В.Пикуль). Ядро полевой организации ЗАТО-высказываний, несомненно, возместительное (по подсчетам Н.П.Перфильевой оно занимает 74 %). Периферийные случаи употребления ЗАТО составляют небольшой процент от общего количества. «Законное» место ЗАТО в противительной системе определяется тем обстоятельством, что отрицательные и положительные факты противопоставляются друг другу, а значит, ЗАТО иллюстрирует один из вари-

антов адверсативности. Союз ЗАТО стилистически отмечен. Он преобладает в художественной, публицистической и разговорной речи в связи с субъективизмом толкования описываемых с его помощью ситуаций и почти не используется в текстах аналитического или официально-делового характера.

В параграфе 1.6 в качестве итога речь идет о системном строении всей категории адверсативности в ССП русского языка. Прослеживаются соотношения противительных союзов по трем параметрам: семантике, стилистической характеристике и частотности употребления. Утверждается, что вся грамматическая категория адверсативности в целом также имеет полевую организацию, представляя поле, состоящее из пересекающихся друг с другом частных полей, которые только внешне создают впечатление полицентризма. Однако категория адверсативности моноцентрична, поскольку передает общее широкое значение сопоставления как установления *актуальных различий предметов речи с точки зрения субъекта речи (говорящего)*. Все полевые структуры с различными противительными союзами суть проявления вариативности инвариантного значения категории адверсативности. Основным противительным союзом в силу высокой степени отвлеченности и широты его сопоставительного значения является союз А, функционально-семантический потенциал которого шире, чем у других противительных союзов.

Из результатов нашего исследования ясно также следующее:

- адверсативные союзы однозначны, а не многозначны. Различные частные разновидности (ССВ) общих значений, создаваемых союзами, – результат соотношения союзов и лексико-грамматического наполнения предложений;

- проблемы языковой или речевой сущности ССВ как модификаций адверсативных моделей в принципе не может иметь однозначного и категоричного решения, поскольку ССВ не иллюстрируют жесткого разделения признаков только языка или только речи, а совмещают статус того и другого с превалирующими признаками языка. Показателем языкового начала ССВ служит фактор их структурно-семантической типизации, вносящий ограничительные рамки в возможности лексико-грамматического состава конкретных высказываний. Признаками речевой сущности ССВ служат изменчивость лексико-грамматического состава компонентов адверсативных предложений и их возможная синкретичность;

- было бы неверным снабжать адверсативные союзы одним единственным стилистическим ярлыком. Так, широкое по стилистическому употреблению и по этой логике нейтральное слово «А», с одной стороны, свободно функционирует в научных и официально-деловых текстах, где необходимы точность и однозначность сопоставления понятий и отношений и где недопустима их субъективная эмоциональная оценка. С другой стороны, союз А чувствует себя вполне комфортно и в экспрессивной, сугубо разговорной речи, где он (и только он!) способен эксплицировать целую бурю эмоций и широкую гамму авторских оценок. Экспрессивность, видимо, потенциально заложена в языковое значение союза А (в отличие от НО), почему академик В.В.Виноградов и называл его «субъективным», и реализуется она в большей или меньшей степени в зави-

симости от намерений автора речи, а также от разнообразных ситуативных и текстовых условий.

Во второй главе – «Соотносительность сложносочиненных предложений с основными адверсативными союзами» – рассматриваются А- и НО-высказывания в аспекте их синонимических системных отношений, служащих иллюстрацией гибкости и разнообразия адверсативной системы. Следствием и показателем синонимии служит *взаимозамена* союзов. Причиной синонимии служит совпадение языковых значений союзов А и НО в виде сопоставления по типу контраста, иначе – противопоставления. Следовательно, областью проявления синонимических отношений являются те ССВ, которые реализуют это значение противопоставления явно или подтекстно. Это в первую очередь ССВ контрастного сопоставления и несоответствия. Описание синонимических отношений ведется в двух направлениях: анализ возможностей взаимозамены союзов ($A=НО$, $НО=A$) и анализ невозможности или неуместности их взаимозамены ($A \neq НО$, $НО \neq A$), т.е. ограничений по каким-либо причинам. Условия взаимозамены-невзаимозамены союзов оказались зависимы от ряда факторов логико-семантического, структурного, стилистического и фразеологического характера. Результаты субституции в разных условиях колеблются от идентичности значения до достаточно ощутимых различий.

Значение *противопоставления* вербализуется обоими союзами приблизительно в одинаковой степени частотности проявления: 9,8 % с союзом А и 9 % с союзом НО. При этом формальные показатели противопоставления при том и другом союзе в типичных случаях совпадают в виде лексических или грамматических антонимов: *Теперь она умирала, а он оставался жить* (К.Симонов); *Многие из сынов неба падали мертвые, но многие достигали поверхности Тумы и были живы* (А.Н.Толстой); *Почему я сам не заметил склонностей Ольги, а Тавров, посторонний, заметил?* (А.Коптяева); *Раньше из бочки брали воду цветы поливать, но теперь никто ее не брал* (К.Паустовский). Значение высказываний с разными союзами здесь в принципе одинаковы по своей сути (за исключением большей весомости содержания второго компонента в предложениях с союзом НО), в чем можно убедиться, сравнивая трансформы типа: *Он не видел в этом ничего особенного, но Крылов и Тулин были потрясены* (Д.Гранин); *Он не видел в этом ничего особенного, а Крылов и Тулин были потрясены*, и рассматривая сходные в лексико-грамматическом смысле конкретные предложения: – *Я-то не забыл, а меня, конечно, забыли* (А.Н.Толстой); *Я буду помнить тихое лицо Рубинова, но меня никто не вспомнит* (Ю.Нагибин). Различия в характере проявления противопоставления с помощью конкурирующих союзов наблюдаются в двух случаях: 1) когда вещественное содержание сложного предложения потенциально включает семантику несоответствия: *Он меня давно разлюбил, к другой ходит – унижает, а я его люблю по-прежнему* (Д.Донцова). Ср.: *Он меня давно разлюбил, к другой ходит – унижает, но я его люблю по-прежнему* 2) когда существующее параллельно с противопоставлением значение несоответствия формально поддерживается лексическими и грамматическими маркерами, например, глаголами целенаправленно-го, но безрезультатного действия, что, по данным нашего материала, бывает

в 11 раз чаще в структурах с союзом НО, чем с союзом А: – *Он ждал, а она сидела и молчала, тяжело дыша, словно после долгой и трудной ходьбы* (К.Симонов); – *Он ждал, но она молчала и смотрела в окно* (К.Симонов). В обоих случаях А подчеркивает различие сравниваемых ситуаций, обуславливая соответствующее устное произношение с акцентированием объектов речи (он – я; он – она́). Союз НО актуализирует противоречия в положении дел в соответствии со своим типичным использованием. Употребление того или другого союза продиктовано авторской волей в констатации нужных ему смысловых оттенков.

Однако возможности параллельного функционирования обоих союзов имеют место не всегда. Проведенный нами анализ выявил существование сфер исключительного или преимущественного использования каждого из союзов. Область преобладающего функционирования союза А охватывает стилистическую сферу экспрессивной речи разговорного стиля и т.н. «субъективную контрастность», т.е. нарочитое подчеркивание субъектом речи констатируемых различий, что обычно также экспрессивно окрашено и сопровождается какой-либо эмоциональной оценкой: – *Вы-то все порхаеете, все порхаеете, как птица голубь, а я-то, грешная, все сырею, все толстею – так и думаю: выйду в лихой день на крылечко, оступлюсь и расколуюсь, как дыня* (А.Н.Толстой). Функционирование союза НО в подобных случаях – явление чрезвычайно редкое. В книжной речи союз А в принципе употребим из-за широкого диапазона его стилистических возможностей. Однако в книжной сфере предпочтительнее НО, в котором даже потенциально не заложена экспрессивность. Т.о., сугубо книжная речь демонстрирует преимущественный характер стилистического использования НО: – *Мы лишены возможности указать, кого конкретно имел в виду Лукин в Верховглядове, но к какому кругу принадлежал этот герой, объяснил сам автор в пятнадцатом явлении «Щепетильника»* (П.Н.Берков).

Структурные особенности союза НО при выражении противопоставления связаны с его употреблением в модели типа он (ему, его), но он (ему, его), где повторяющийся выразитель одного и того же предмета речи находит свое место в начале второго компонента: – *Я сыт, но я давно не пил, и кофе разогреет меня* (А.Грин); – *Ты представляешь материал, но у тебя нет ни малейшего понятия о логике* (Г.Николаева). Союз А здесь невозможен, видимо, потому, что одни и те же предметы речи не могут сопоставляться друг с другом по их разным предикативным признакам. Союз НО осуществляет это противопоставление «в целом», в совокупности значений компонентов сложного предложения.

Анализ синонимии в ССВ несоответствия прежде всего показал логическую идентичность предложений с союзами А и НО. Оба союза проиллюстрировали возможность вербализовать все способы реализации логической структуры несоответствия. В первой главе была рассмотрена схема П1-С2 как самый частотный вариант полной логической формулы несоответствия П1С1, но (а)

С2П2³. В таком четырехчастном виде она эксплицируется крайне редко из-за громоздкости и избыточности. Механизм языковой экономии создает обычно 8 возможностей языковой реализации этой общей схемы несоответствия, передающей ход логических рассуждений информанта и показывающие различные соотношения диктальных и модусных составляющих противительных предложений. Самые распространенные – двухэлементные варианты, в которых два недостающих элемента либо мыслятся в подтексте сложной конструкции – С1 и С2 (модусы), либо названы в контексте более широком, чем сложносочиненное предложение, или же понятны из общего опыта адресанта и адресата – П1 и П2. Т.о., анализ сути несоответствия требует логических операций с восстановлением невербализованных логических звеньев адверсативных структур:

– П1 **но** (а) С2: – *Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет [должен бы быть человек], а человеке нет* (А.Н.Толстой); – *Я, знаете, неделю прихожу встречать с поездом старых добрых знакомых, но их все нет* (К.Паустовский);

– С1 **но** (а) С: *Уже должна была проявиться усталость, но на лицах четырнадцати виртуозов было не утомление, а упоение боем* (В.Кетлинская); – *Вода, по его мнению, должна бы уже показаться, а ее нет как нет* (В.Солоухин);

– С1 **но** (а) П2: *Екатерину Васильевну очень тянуло заглянуть в освещенное окно Стабесова, но [она не заглядывала, т.к.] было неловко* (А.Н.Толстой); – *Он все хотел жениться, а [не мог этого сделать, т.к.] девки за него не шли* (В.Шукшин);

П1 **но** (а) П2: – *У меня есть на складе несколько пар хороших туфель [следовательно, ты мог бы подобрать ей подходящие], но [на самом деле, видимо, не сможешь этого сделать, т.к.] ты, конечно, не знаешь номера ее обуви* (В.Ажаев); – *Когда Осип сказал «аминь», гетман взмахнул саблей [и должен был ударить], а [не сделал этого, т.к.] рука у него заостенела* (А.Н.Толстой). Как видим, здесь самая большая модальная рамка.

В трехэлементных, менее экономных, вариантах несоответствия также используются оба союза:

– П1, **но** (а) С2П2: – *Один солдат вскинул было винтовку, но другой толкнул его в плечо, и тот не выстрелил* (М.Шолохов); – *Я нажал на спусковой крючок, а выстрела не последовало: забыл спустить предохранитель* (Ю.Нагибин).

³ Символическое обозначение П1 не отличается идеальной точностью. Оно употребляется, главным образом, с учетом соотношения причины первой и превосходящей ее причины второй, символизируя их сходства и различия. Дело в том, что наряду с действительной причиной, первый компонент ССП, обозначенный символом П1, может передавать условное значение. В предложении «Звонок прозвенел, **но** студентов в аудитории нет» П1 передает скорее условное, нежели причинное, значение. Обычно если звонок звенит, студенты собираются в аудитории на занятия. Нами взят символ П1, поскольку причинные смыслы в адверсативных предложениях в количественном отношении доминируют над условными.

– С1, но (а) С2П2: – Впору побежать купаться, но уже олень в воде рога мочил, – нельзя, грех (А.Н.Толстой); – Сейчас сульфидином надо бы лечить, а печень разыгралась, значит, стоп, нельзя! (А.Коптяева).

– П1С1, а (но) С2: – Наступил поздний вечер, и, следовательно, надо было уснуть, но уснуть Поля не могла (Л.Леонов); – Вот и март приспел, вчера был день Алексея – божьего человека, должна бы вода с гор бежать, а морозно, хоть небо и ясно по-весеннему (М.Пришвин).

– П1С1, но (а) П2: – Было душно, хотелось распахнуть окно, но дотянуться до него было нельзя (К.Федин); – Я садовод, хочу и из нее садовода сделать, а она упирается (К.Паустовский).

Что касается формальных проявлений несоответствия, то, как уже видно из приведенных примеров, отчетливые типизированные структурные показатели несоответствия обычно отсутствуют. Конкретное содержание предложений несоответствия бесконечно разнообразно, как разнообразны и, очевидно, неисчерпаемы отношения реальной действительности. В самом общем виде структуру предложений несоответствия можно охарактеризовать как такое лексико-грамматическое наполнение, которое способно вербализовать семантику противоречия, дисгармонии. В связи с невозможностью семантической и структурной классификации высказываний несоответствия в работе и принята их типология по логическим основаниям. Однако некоторые логические разновидности все же позволили обнаружить определенную структурную типизацию. Это относится к логическому звену С1, т.е. должному или ожидаемому, предполагаемому следствию П1. Если это С1 выражено эксплицитно, то оно содержит различные языковые средства, лексически или / и формально «задающие» несоответствие. Передаче значения ожидаемости в первую очередь отвечают личные формы глаголов-сказуемых с семантикой предположения (*ждали, но / а не дождались*; *был уверен, но / а не сбылось*; *предполагала, но / а на самой деле...*). Семантика долженствования чаще всего вербализуется прилагательными «должен», «должен был бы» и пр. Такого рода лексемы выражают семантику несоответствия наиболее прямо и непосредственно. Существуют и другие формальные типизированные средства выражения С1, которые, не обладая сами по себе четким значением долженствования или предполагаемости, могут развивать его в условиях контекста. Это, например, сказуемые первого компонента сложного предложения, лексически и формально реализующие семантику возможности – невозможности (*мог бы, но / а...*), необходимости (*нужно было, но / а...*), целесообразности (*было бы целесообразно, но...*), намерения (*намеревались, но / а...*), готовности (*были готовы, но / а...*), желательности (*хотела, но / а...; мечтали, но / а...*). Все эти языковые средства в конструкциях несоответствия обуславливают наличие во втором компоненте прямо противоположного содержания, выраженного многообразными способами.

Сравнение синонимичных предложений в разных вариантах логических схем несоответствия показывает отсутствие каких-либо заметных смысловых различий между ними за исключением акцентирования союзом НО содержания второй части сложного предложения. Однако если микроконтекст сложного предложения совмещает семантику несоответствия с формально выраженным

сопоставлением, то слово А подчеркивает идею различия по меньшей мере за счет логических ударений на тематических частях компонентов высказывания, а НО актуализирует несоответствие. Ср.: – *Сергей, ты меня презираешь, а я тебя люблю, честное слово* (А.Н.Толстой) и: – *Сергей, ты меня презираешь, но я тебя люблю, честное слово; Губы Нальмова улыбаются, а лицо остается печальным* (А.Н.Толстой) и: *Лицо ее сияло удовольствием, но глаза выдавали растерянность и перепуг* (К.Федин).

Логический анализ, показавший сходство значения несоответствия в предложениях с союзами А и НО, вскрыл тем самым причины их тесной соотносительности, однако не смог дать полного представления об их различиях, установление которых было целесообразно провести, обратившись к выявлению собственно семантических, структурных, стилистических и даже фразеологических критериев, или условий.

Семантические условия использования союзов, как выяснилось, связаны: 1) со степенью отчетливости значения несоответствия и 2) с возможностью проявления некоторыми структурами с союзом А русской национальной семантической специфики, чего лишен союз НО. Союз А оказался неспособным реализовать несоответствие в условиях неотчетливости его языкового выражения, он требует либо четкой семантики несоответствия, либо совмещения несоответствия с сопоставлением.

Семантическая национальная специфика употребления союза А проявляет себя в высказываниях типа «*Мороз, а (но) сын выскочил на улицу раздетым*», реализующих одну из разновидностей схемы П1 а (но) С2, где во втором компоненте речь идет о сознательных действиях каких-либо персонажей, несообразных с обозначенными обстоятельствами. Структурно-семантическая парадигма исследования языка при всех ее неоспоримых достоинствах не дает ключа для решения вопроса о тонких значениях, связанных с различием употребления разных служебных слов. На этот вопрос оказался возможным антропоцентрический ответ. Так, Анна Вежицка связала употребление такого А-несоответствия с «неподконтрольностью» русского человека определенным обстоятельствам. Во фразе «*Мороз, а сын выскочил на улицу раздетым*» слово А служит сигналом неразумности поведения сына, не учитывающего погодных условий. Идея исследовательницы о проявлении русского национального характера в такого рода употреблении слова «А» была развита в статьях Е.В.Падучевой (1997) и Е.В.Урысон (2004). Общее в их работах то, что высказывания А несоответствия, с точки зрения говорящего, передают бесконтрольное, странное, неудачное положение дел, не соответствующее общему представлению о правилах поведения и в связи с этим негативно оцениваемое, при этом причина поведения действующего лица во втором компоненте сложного предложения говорящему неизвестна. Союз НО, в отличие от А, предполагает поступок действующего лица уже не как неподконтрольный ситуации (парадоксальный, неожиданный), а как намеренный, имеющий достаточно убедительные основания, что нередко подтверждается последующим контекстом, объясняющим причины поведения объекта речи (так как, потому что ...), например: *но сын выскочил на улицу раздетым, так как должен был догнать*

друга и вернуть ему забытые тем документы. При этом важно и то, что анализ союзов соотносится с их национальной спецификой. А национальные языки, как известно, отражают особенности осознания их носителями языковой картины мира. Союз *А* объявляется идиоматичным, т.е. непереводаемым на другие языки, поскольку связывается с особым характером русского человека, которому близки такие понятия, как: *удаль, авось, так вышло (получилось)* и проч. Такая *А*-специфика при переводе либо теряется, либо выражается в контексте дополнительными словесными средствами. В этом плане анализ *А*- и *НО*-конструкций относится к перспективному направлению лингвистики, выявляющему этнические особенности в типологически разных языках мира.

Основным инструментом исследования названных авторов в соответствии с антропоцентрическим принципом языкового анализа служит интуиция исследователя, призванная раскрыть и объяснить первопричину употребления того или иного служебного слова. Однако вряд ли можно абсолютизировать роль интуиции исследователя (интроспекции) как стопроцентно надежного инструмента анализа синтаксических структур. Целесообразно проверить выводы относительно различий союзов *А* и *НО* посредством объективизации полученных результатов методом психолингвистического эксперимента, как это убедительно сделано в монографии К.Я.Сигала, посвященной теоретико-экспериментальному анализу сочинительных отношений в простом предложении (2004). Нами проведен аналогичный эксперимент, где в роли испытуемых выступало 100 студентов-филологов. Было дано задание определить семантические различия сложносочиненных высказываний с союзами *А* и *НО*. Приведем некоторые из предложенных высказываний с типичными ответами испытуемых о специфике союзов *А* и *НО*:

А	НО
<p>1. У нее было всего 200 рублей на продукты, <i>а</i> она поехала на такси. Типичные мнения: легкомыслие, небдуманность, осуждение за транжирство. У трех человек: восхищение широтой и размахом русской души.</p> <p>2. Специальность шофера в кармане, <i>а</i> ты ямы рыть. Нелогично, зря, абсурдно; упрек, осуждение. Один студент восхитился тем, что человек способен на такой поступок.</p> <p>3. Дружили-дружили всю жизнь, <i>а</i> теперь она меня знать не хочет. Странно, с чего бы это? Зря, напрасно, она неправа; недоумение, осуждение, огорчение; неверная подруга.</p>	<p>1. У нее было всего 200 рублей на продукты, <i>но</i> она поехала на такси. Значит, надо было: опаздывала, торопилась, боялась не успеть, ответственная; намеренно, осознанно; вынуждали обстоятельства; констатация факта.</p> <p>2. Специальность шофера в кармане, <i>но</i> ты ямы рыть. Наверное, там больше платят; вынуждали обстоятельства; значит, ему так надо было; очевидно, поступок имеет основания, ему виднее.</p> <p>3. Дружили-дружили всю жизнь, <i>но</i> теперь она меня знать не хочет.. Очевидно, была причина; значит, заслужила; нет дыма без огня.</p>

Эксперимент, дополненный анализом наших выборок из русских художественных текстов, в общем подтвердил данные предшествующих исследований. Однако целесообразно сделать ряд оговорок.

1. Во-первых, названные закономерности употребления союзов А и НО распространяются не на все конкретные случаи. Иногда при употреблении А-конструкций говорящему известны причины поступков действующих лиц или же он предполагает их, но не считает уважительными. Например, в новелле «Охота жить» В.М.Шукшина рассказчик так воспроизводит несобственно-прямую речь старика-охотника о парне, бежавшем из тюрьмы и укравшем у него ружье: *Обидно было: пригрезил человека, а он взял ружье. Ну не подлец после этого!* Старик прекрасно понимал, что ружье нужно парню, чтобы не пропасть в тайге, но расценил поступок парня как эгоистичный, а его самого – как ответившего черной неблагодарностью за приют и доброе отношение. Отсюда прямые экспрессивные маркеры – *обидно, подлец*.

2. Если проводить антропоцентрический принцип исследования языковых единиц с должной последовательностью, то надо учитывать не только фигуру говорящего, но и фигуру воспринимающего (читателя, слушателя), поскольку жизнь (а значит, и язык как ее отражение) есть диалог (М.М.Бахтин). Исследователь-лингвист – тоже одна из разновидностей человека воспринимающего. Более того, есть еще одна немаловажная фигура, которую нельзя не учитывать. Это действующее лицо, о поступках которого идет речь. Это объект речи, но он тоже человек, а значит, тоже субъект, только не речи, а действия, и именно его сознанием и волей объясняются все его поступки. У него своя «правда» и свои резоны поведения, причем иногда очень убедительные. В примере из рассказа В.М.Шукшина «*Специальность шофера в кармане, а ты ямы рыть!*» парню важно заработать денег. При этом читатель художественного произведения по контексту обычно без труда понимает логику поведения героев и вполне может быть согласен с ней. В таких случаях все эмоции по поводу описываемой микроситуации предложения касаются только говорящего, не вполне владеющего макроситуацией, представленной в широком художественном тексте.

3. Эмоции говорящего тоже бывают негативными не всегда. Они могут быть нейтральными в аксиологическом смысле, например, удивление, недоумение: – *Что за порядки? – деньгу принесли, а он не берет* (М.Горький); *Обидчик мой, а люблю – странно?* (А.Н.Толстой). Они могут быть даже оценочно-позитивными (выражать восхищение). Например, в нашем эксперименте «поведенческие» ситуации № 1 и № 2 были оценены отдельными информантами именно так. Однако субъективизм говорящего касается лишь оценки фактов, а не объективной сути грамматических отношений компонентов сложного предложения. Информантам, противоположно оценивающим поведенческие реакции действующих лиц, понятна единая для всех объективная картина: действия персонажей неподконтрольны, странны, неожиданны, парадоксальны. А уж как это оценивать, – право отдельной личности. Эксперимент показывает, что в 98 % случаев оценка негативна. Редкие позитивные оценки – исключение из общего правила, а исключения, как известно, только подтверждают правило своей количественной незначительностью.

4. Наконец, национальная специфика реакций действующих лиц вполне возможна (допустим, в ситуациях риска и пренебрежения опасностью), но она не строго обязательна. Отсутствие национального колорита неподконтрольности или несоответствия поведения персонажей названным обстоятельствам можно проиллюстрировать третьим примером психолингвистического эксперимента (*Дружили-дружили всю жизнь, а теперь она меня знать не хочет*) и другими выдержками из рассказов В.Шукшина, главными героями которых служат простые русские люди: *Соне тридцать уже, а она, все как маленькая, бегала к маме жаловаться* («Мой зять украл машину дров»); – *Надоела мне эта комедия: им рассказываешь, как добрым, а они, стерва, хаханьки строят* («Версия»).

Т.о., и приведенные иллюстрации противительных высказываний, и психолингвистический эксперимент по большей части показывают, что в группах предложений, иллюстрирующих поведенческие реакции действующих лиц, имеют место объективные различия в использовании союзов. Союз А передает спонтанность, неподконтрольность, нерациональность поступков действующих лиц (С₂), их необъяснимость с точки зрения субъекта речи, отсутствие разумного начала, что в совокупности вызывает негативную реакцию. Союз НО, напротив, предполагает обоснованность поступков персонажей. Он служит сигналом какого-то расчета, имплицитным свидетельством рационального начала. Как видим, речевая практика закрепила за ситуацией спонтанной неподконтрольности рациональным решениям употребление союза А. Это свидетельствует о связи языковой нормы с определенными дискурсивными типами ситуаций. При наличии таких ощутимых семантических различий синонимия А и НО нарушается, т.к. союзы обуславливают объективные различия в оценке ситуаций.

Стилистические факторы функционирования высказываний с союзами А и НО в основном такие же, как и в сфере противопоставления. Союз А используется преимущественно в эмоционально-экспрессивной речи разговорного и даже просторечного характера: – *Тебе дело говорят, а ты ругаешься, сукин ты сын, мерзавец!* (В.Кетлинская); – *Мало я на тебя слов срасходовал, уговаривал, а ты опять за старое!* (М.Шолохов). Сферой использования союза НО снова (за некоторыми исключениями) служит книжная или нейтральная речь. В стихотворной речи НО имеет более высокий поэтический статус. Союз может способствовать созданию торжественности и возвышенности описываемых ситуаций, в то время как А упрощает такой настрой, привнося некую стилистическую сниженность. Т.о., союз НО предполагает экспрессию иного рода – как бы более высокого ранга: *Я звал тебя, но ты не оглянулась, я слезы лил, но ты не снизошла* (А.Блок). Структурным условием употребления НО, исключаящим А, является, как и в случае контрастного сопоставления, организация предложения по модели: *он..., но он...* У союза А другое структурное условие исключительного употребления – «обратный» порядок следования компонентов со значением несоответствия, при котором реальный факт предшествует и противопоставляется ожидаемому, а не ожидаемый – реальному, как это бывает в большинстве случаев (т.е. С₂, а С₁ и П₂, а С₁), где союз НО оказывается невозможным: – *Убил ты ее, медведицу, а у ей двое маленьких, подохнут. Пога-*

ное дело – душу на зверье тешить (В.М.Шукшин); – *Нажрался, гад, сверх покрышки, а дрова неколоты, огород неполитый* (В.Липатов). Подобного рода высказывания обычно эмоционально маркированы.

Союзы А и НО отличаются также спецификой синтаксической фразеологизации. Фразеологизирующими элементами в А-высказываниях служат слово «ЕЩЕ» после союза и сочетание «ТУДА-СЮДА», «КАК-НИКАК» до союза: – *Трус, трус, а еще жениться хочешь*; – *Эх, варвары, а еще марсиане*; – *Возмутительно, а еще студент!* (А.Н.Толстой). В таких случаях первый компонент передает либо какое-то отрицательное качество (трус, варвары), несовместимое, с точки зрения субъекта речи, с содержанием компонента второго, либо только одни эмоции: возмущение, упрек, негодование и проч. Сочетание «КАК-НИКАК» имеет обобщенно-уступительное значение типа «ЧТО НИ ГОВОРИ», КАК БЫ ТО НИ БЫЛО»; – *Все-таки, знаете, как-никак, а царь сейчас – это символ* (М.Булгаков). «ТУДА-СЮДА» передает обобщенно-уступительное значение типа «ЧТО БЫ НИ ДЕЛАЛИ»: – *Туда-сюда, а платить ей триста червонцев за две роскошные комнаты* (А.Н.Толстой). Составные части А ЕЩЕ, ТУДА-СЮДА, А, КАК-НИКАК, А утратили свое прежнее лексическое значение и прежние категориальные признаки частицы (ЕЩЕ) и наречия (КАК-НИКАК, ТУДА-СЮДА). Подвергшись делексистизации, они стали едиными и неделимыми застывшими формами с немотивированным значением каждого отдельного компонента, т.е. фразеологизировались. Одновременно они грамматизировались, т.к. стали, наподобие уступительных союзов, строевым элементом модели сложного предложения. Т.о., рассматриваемые сочетания превратились в синтаксические фразеологизмы. Тяготеют к фразеологизации и конструкции с союзом НО типа «СТРАННО, НО», «ПРОСТИТЕ, НО» и т.п.: – *Извините, но я должна идти* (К.Паустовский); – *Странное дело, но когда читали этот жестокий приказ, он, Синцов, испытывал радость* (К.Симонов). Характер ограничений употребления конструкций с союзами А и НО особенно ярко иллюстрирует специфику каждого из союзов.

В диссертации исследуются синонимические отношения и в других ССВ. В сфере ограничения констатируются примерно те же условия преимущественного и исключительного употребления обоих союзов, что и в сферах противопоставления и несоответствия. ССВ возмещения допускает синонимические контакты только в редких случаях реализации возмещения сопоставительного типа. ССВ сопоставительного и противительного обоснования, а также соединительного сопоставления и противительного соединения оказались несоотносительными вследствие неповторимой специфики каждого из них. Присоединение, будучи бесконечно разнообразным вследствие обилия связей по практически неисчислимым ассоциациям, не дало возможности выстроить четкие синонимические закономерности.

Анализ синонимии высказываний с союзами А и НО, помимо богатства их семантико-стилистических оттенков, еще раз, но уже по-новому продемонстрировал системность и антропоцентричность русской категории противительности. В предложениях с обоими союзами оказалось возможным прочесть довольно четкие линии системных синонимических взаимодействий семантиче-

ского, стилистического, структурного и фразеологического характера. Выяснилось, что за каждым союзом закреплены зоны его отдельного употребления. Эти зоны А- и НО-союзов противопоставлены друг другу и, как правило, не допускают проникновения «чужого» союза. Некоторые нарушения общего правила заключаются в не всегда строго исключительном, а только преимущественном употреблении одного из союзов. Антропоцентризм языковых синонимических систем состоит в авторской воле по реализации в речи единственно нужного нюанса одного из синонимичных союзных высказываний в связи с целесообразностью иллюстрации какого-либо актуального на данный момент конкретного положения дел.

Данные второй главы позволили поддержать следующие теоретические положения по дискуссионным в науке вопросам, рассмотренным в § 2.1:

- синтаксическими синонимами являются синтаксические единицы, характеризующиеся близостью (реже тождеством) вещественного и грамматического значения, соотносительностью лексического состава (при значительном совпадении) и определенными формальными различиями (см., например: Везерова, 1999);

- взаимозамена союзов есть результат, следствие синонимических сходств грамматического значения синтаксических конструкций. Степень устанавливаемых синонимических отношений может быть разной: от идентичности до ощутимых различий. Однако взаимозамена союзов имеет место лишь в определенных зонах денотативного пространства и не служит строго обязательным критерием и показателем синонимических отношений при всех контекстных условиях. Вполне возможны ограничения взаимозамены союзов в зависимости от ряда причин. Теоретические дискуссии по поводу обязательности-необязательности признака синонимии в виде взаимозаменяемости, думается, во многом объясняются фактом неучета уровней синонимического взаимодействия. Так, на уровне моделей [], а (но) [] и в большинстве случаев их ССВ она обязательна, в тексте же могут сработать ограничения в связи с разнообразными речевыми условиями;

- единицей синтаксических синонимов следует считать как всю синтаксическую конструкцию (что никем не отрицается), так и ее основные конституирующие части, передающие их грамматическое значение, т.е. союзы. Вряд ли можно признавать синонимичность конструкций, отрицая синонимичность его элементов, ибо одно обуславливается другим;

- дискутируемый в лингвистике вопрос о пределах семантических состояний синтаксических синонимов в теоретическом плане в общем и целом сформулировать, думается, невозможно. В каждом конкретном случае синонимии они будут разными. Важно одно: чтобы синонимическая близость ощущалась говорящим и слушающим.

Третья глава – **«Функционально-коммуникативный аспект сочинительных конструкций»** – посвящена третьему системному аспекту исследования противительных предложений – речевому, точнее, текстовому. В лингвистической литературе неоднократно утверждалось, что текстологический уровень наиболее сложен и малоизучен. Настоящее диссертационное исследование

ведется на материале художественного стиля как наиболее богатого, выразительного, совершенного, наиболее полно реализующего весь потенциал языковых средств. Вопрос о функционировании противительных предложений в художественной речи в той или иной мере затрагивался в работах А.А.Тютяевой, Т.И.Коноваловой, Т.А.Павлюченковой, Г.Ф.Гавриловой, К.Я.Сигала, Ю.С.Здориковой, Т.А.Лобановой, Е.В.Падучевой, Е.В.Урысон, С.И.Клецкой, Е.А.Красновой, в значительно большей степени – в монографии И.Н.Кручининой «Структура и функции сочинительной связи в русском языке» (1988), где много интересных и свежих мыслей, главным образом, о функционировании союза И, и в серии статей Е.И.Костанди рубежа веков о коммуникативно-прагматических функциях различных синтаксических средств, в том числе и сочинительных союзов. Однако исчерпывающей научной картины роли сочинительных и особенно противительных конструкций в русских художественных текстах не существует. Проблема сочинительной связи в художественном плане пока не решена системно, во всем многообразии ее взаимосвязанных проявлений, и специально, а не в попутной связи с другими проблемами или анализом какой-либо одной разновидности сочинительных структур. Можно сказать, что вопрос о художественной роли русского паратаксиса и изоморфных с ним конструкций находится на стадии постановки проблемы, накопления материала и интерпретации первых опытов. Поэтому анализ любого нового материала может внести свой вклад в разработку теории текстовых функций сочинительных конструкций. В третьей главе описываются теоретические основы, методика и результаты изучения: 1) текстообразования средствами сочинительной связи и 2) главным образом, художественной роли сочинительных конструкций русского языка.

В начале главы III дается понятие о сущности функционально-коммуникативного анализа текста, приводятся сведения о его истории, рассматриваются взаимоотношения сложносочиненного предложения и текста. В дальнейшем проводится анализ текстообразующей роли союзов посредством выявления способов и характера их текстовых связей с предшествующим или / и последующим фрагментами художественного произведения и определения результатов этих связей в динамике текста. Если союз И реализует развертывание повествования в русле сходства соединяемых компонентов сложного предложения, то противительные союзы – в русле различий или противоречий. Конкретная сущность противительного распространения текста определяется коммуникативными установками говорящего.

Большую часть третьей главы занимает анализ эстетической роли союзов с опорой на понимание художественного текста как сложного коммуникативного акта с его двумя участниками (пишущим и читающим), предполагающего в качестве объекта сообщения совокупность трех сфер семантического пространства художественного произведения: денотативную (информативную), концептуальную (понятийную) и экспрессивную (эмотивную), теоретически разработанный И.Р.Гальпериным и получивших развитие в трудах Л.Г.Бабенко. Этот путь реализован на материале романа М.Булгакова «Белая гвардия». Следует оговориться, что деление содержательной стороны художественного про-

странства на три названные сферы условно из-за их взаимопроникновения, однако оно вполне допустимо как методический прием, направленный на более обстоятельное изучение объекта. Другой путь исследования состоит в выявлении коммуникативных функций сочинительных высказываний в их связи с широким дискурсом художественных произведений и с литературоведческими понятиями пафоса, художественного образа, мотива, художественной детали, динамики текста, элементов комического и пр. Он реализуется в диссертации на материале русских писателей преимущественно XX столетия.

Отражение художественного мира романа «Белая гвардия» осуществляется через поэтическое описание взаимосвязанных жизненных ситуаций, иерархически организованных и охарактеризованных, интерпретированных автором, т.е. посредством *денотативного анализа*. Одной из таких ситуаций выступает в начале романа смерть матери Турбиных:

*Умирающая мать, уже задыхаясь и слабая, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила: Дружно живите! * * * Но как жить? Как же жить?*

Этим союзом «НО» начинается новый фрагмент текста (тесно связанный с предыдущим) с уже новой микротемой мучительных раздумий детей над грозными и непонятными событиями. Трудный вопрос повисает в воздухе, оставаясь без ответа.

Следующие микроситуации первой главы романа – тягостные раздумья и тяжкие предчувствия – соприкасаются, перекликаясь тремя сходными синтаксическими структурами: – *Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а крутом становится все страшнее;* 2) *Мать сказала детям: «Живите». А им придется мучиться и умирать;* 3) *А ведь только что вернулся, думал, наладим жизнь, и вот...*

Три разных союза – НО, А, И – реализуют сходные значения противоречия светлого ожидаемого и грозной реальности. В случае с И с многоточием эта семантика предполагается в невербализованном виде. Противительная семантика предвосхищает последующие контексты, емко и кратко закладывая все те идеи и оценки, которые получают дальнейшее развитие в романе. При этом не только определяется субъективный взгляд на вещи, но с первой же фразы начинается эстетическое, художественное воздействие на читателя, отчасти неосознаваемое, суггестивное, когда читатель настраивается на ту же эмоциональную волну, что и герои романа, мировоззрение которых очень близко автору текста. Фраза № 2 с союзом А в виде единства авторской и прямой речи является «золотым сечением» первой главы романа, т.е. ее гармоническим центром, под которым подразумевается фрагмент текста, наиболее значимый в смысловом отношении и непременно эмоционально окрашенный (Н.В.Черемисина, 2000). Эти слова определяют точную проекцию всего последующего содержания, представляющего повествование о страданиях беззащитных жителей Города от непредсказуемой жестокости гражданской войны.

Концептуальная сфера литературного произведения – это совокупность концептов как инструментов познания мира. Под художественным концептом обычно подразумевается понятие в индивидуально-авторском рациональном и

чувственном осмыслении, во всех текстовых и подтекстных реализациях слова, передающего понятие во всех его контекстуальных семах и ассоциативных связях, иначе говоря, в совокупности его эксплицитного и имплицитного значений. Однако слово – основное, но не единственное средство вербализации художественного концепта. Всю полноту такового можно выразить только совокупностью языковых средств, включающих в себя грамматические формы слов, синтаксические конструкции и стилистические изобразительно-выразительные приемы. В романе «Белая гвардия» по меньшей мере три ключевых концепта: гражданская война, с одной стороны, с другой – дом и Город, которые противопоставлены друг другу по их объективной сути и по оценке автора и персонажей. Концепт «Война», по нашим наблюдениям, состоит из четырех компонентов: денотативного, образно-оценочного, эмоционального и «результативного» (в виде последствий войны), тесно связанного с информативным содержанием. Все они перекрещиваются друг с другом, не проявляясь в изолированном виде (как и сферы художественного пространства литературного произведения). Сочинительные высказывания участвуют в реализации каждого из них, причем попутно с А-союзами используются и А-частицы.

Приведем несколько адверсативных «штрихов» к авторскому концепту «гражданская война». В грозный 1918 год Киев попеременно захватывают разные военные силы. Население в постоянном ожидании худшего: – *А вдруг? А вдруг? А вдруг?* Неопытные юнцы, мобилизованные на защиту Города, – в растерянности от панических слухов, например, о перемирии с Петлюрой: *Отчаяние и недоумение в юнкерском голосе: – Но, позволь, ведь тогда же нужно прекратить сопротивление? Тоска в юнкерском голосе: – а черт их знает!* Ужас, отчаяние и хаос войны сквозят в эпизоде смерти Най-Турса. Все ясно уже из двух высказываний, где союз А, близкий к И, объединяет сходно-разные проявления его последних минут: *Из полковника через левый рукав стала вытекать кровь, а глаза у него зашли к небу; Кровь потекла изо рта на подбородок, а голос начал вытекать по капле, слабея на каждом слове.* Николке Турбину, на руках которого скончался Най-Турс, страшно: *Никакие конные не на скакивали больше сбоку, но очевидно все были против Николки, а он последний, совершенно один; ужасно, когда лежишь, а тебя рубят.* Турбин вскочил и полетел по переулку. И тут неизвестный в тулупе *обхватил Николку левой рукой, а правой уцепился за его левую руку и стал выкручивать ее за спину*. А на противоположной стороне *бежала какая-то дама, и шляпа с черным крылом сидела у нее на боку, а в руках моталась серая кошелка, и из нее выдирался отчаянный петух и кричал на всю улицу «пэтурра, пэтурра»*. У Алексея Турбина, пережившего ранение и реальную опасность смерти, впечатление от войны настолько глубоко, что не оставляют в покое даже во время сна: *«Беззвучно стреляли, и пытался бежать от них Турбин, но ноги прилипали к тротуару на Мало-Провальной, и погибал во сне Турбин»*.

Иллюстрацией эмоционально-экспрессивной сферы могут быть рефлексии героев и по другим жизненным поводам, также вербализованные с помощью адверсативной связи. Это терзание Турбина-старшего, не сумевшего достойно отреагировать на предательство мужа его сестры: *«Мерзавец он, а я действи-*

тельно тряпка»; растерянность Елены после внезапного бегства Тальберга с немцами: «Уехал, и в такую минуту. Но, позвольте, он очень резонный человек и очень хорошо сделал, что уехал... Но в такую минуту...»; отчаянные сомнения Алексея Турбина в момент опасности: «Спасла бы... Спасла бы... Но, кажется, не добежу... Сердце мое; Спасла бы, но тут вот и конец – кончик... ноги слабеют...»; страстная молитва Елены о брате: «Отымаешь, отымай, но этого смертью не карай... Все мы в крови повинны. но ты не карай...». Эмоциональна не только прямая и внутренняя речь героев, но и манера речи самого повествователя, стилизованная под раскованную разговорную речь, идущую как бы из глубины народного сознания, напоминающая несобственно-прямую речь типичных обывателей: – *Если гайдамаки свищут в пяти верстах, то спрашивается, на что надеется гетман? Может быть, немцы за него заступятся? Но тогда почему же тумбы-немцы равнодушно улыбаются в свои стриженные немецкие усы? Может быть, с Петлюрой соглашение, чтобы мирно впустить его в Город? Но тогда какого черта белые офицерские пушки стреляют в Петлюру?* В работе описываются разнообразные речевые и композиционно-речевые проявления изобразительно-выразительных возможностей сочинительных высказываний.

В диссертации определяются соотношения взаимосвязанных понятий экспрессивности, эмоциональности и эмотивности, получивших в лингвистической литературе неоднократное толкование. Вслед за рядом исследователей (Е.М.Галкина-Федорук, В.И.Шаховский, С.В.Марченко и др.) мы понимаем экспрессивность как общую категорию, включающую на правах частных категорий эмотивность (эмоции и оценки), интенсивность, образность и стилистическую характеристику языковых единиц. Эти понятия, тесно переплетенные друг с другом, составляют совокупность изобразительно-выразительных средств, формирующих воздействующую силу речи, – экспрессию, или коннотацию (Н.А.Лукиянова, 1986). Изучение экспрессивной сферы речи актуально уже в связи с тем, что «любая коннотация уже есть часть прагматики» (Ю.Д.Апресян, 1995). Вопрос о роли адверсативных союзов в плане возможностей выражения экспрессии не изучен, вполне вероятно, из-за его необычности: разве могут выражать эмоции сами союзы, а не только союзные высказывания в целом, экспрессия которых очевидна? При определенных условиях могут. В художественной речи союзы, будучи поставленными автором в нужном месте и в нужное время, активно способствуют выразительности текстовых фрагментов. Без союзов они рассыпались бы и не существовали бы в присущем им качестве.

Отдельный параграф посвящен сочинительным конструкциям в связи с подтекстом романа «Белая гвардия». По определению Л.А.Голяковой, «подтекст – это скрытый личностный смысл, который актуализируется в сознании воспринимающего текст благодаря направленному ассоциативному процессу воздействия лингвистического контекста на целостный потенциал личности» (1999). Методологическими принципами изучения подтекста, как и текста, считаются принципы антропологический и деятельностный. За каждым подтекстом стоит языковая личность, владеющая системой языка и обеспечивающая

этой системе деятельностный, динамический характер. Бесконечное своеобразие авторской индивидуальности проявляет себя в движении подтекста, созданном бесконечно разнообразным комбинированием языковых средств. Поиск глубинной подтекстовой информации связан со значением и смыслом. Значение есть категория языка, тогда как смысл проявляется в речи. Изучают его лингвистика текста и пограничная наука психология. Адверсативные высказывания, естественно, не остаются в стороне от реализации подтекста. Так, фраза полковника Щепкина, погубившего бездарным распоряжением часть киевского офицерства, должна бы, по его замыслу, передавать сочувствие оставшимся в живых: *«Это героизм. Ах, какая потеря! Но что делать, – жертвы!»* Однако читатель без какого-либо прямого выражения обозначений фальши и лицемерия полковника, на суггестивном уровне сразу улавливает их из-за связей с предшествующим контекстом и пресуппозиций как предварительных знаний автора, персонажа, читателя: обладающий властью военный чин обязан думать о вверенных ему людях. Во фрагменте об освещенности дома без явной вербализации эмоций тоже подтекстно заложены оценочные смыслы: Нижний хозяйский этаж Лисовича *«...засветился слабенькими желтенькими огнями <...>, а в верхнем – сильно и весело загорелись турбинские окна»*. Интенции автора находят выражение в идее сопоставления и сквозят через подбор лексико-грамматических средств высказывания по вполне нейтральному в аксиологическом смысле поводу. В сопоставительных условиях слова «сильно и весело» обретают позитивные приращения смысла, а «слабенькие желтенькие огни» – негативные, что невольно проецируется на обитателей квартир и закладывается в восприятие читателя. Т.о., сопоставление высказываний оказывается значимым не только в информативном, но и в оценочном смысле, что находит подтекстное выражение, действующее на бессознательную сферу читателя. Надо помнить, разумеется, что союзы участвуют в экспликации подтекста не одни, а в системе с другими языковыми единицами, коррелирующими с личным авторским замыслом и со всем макроконтэкстом литературного произведения.

Второй путь исследования художественной роли адверсативных союзов связан с дискурсивными механизмами порождения смыслов противительных высказываний. Адверсативные союзы могут активно способствовать осознанию основных идей художественного текста, восприятию его пафоса, мотивов, участвовать в изображении героев, служить сигналами поворотов сюжета, быть языковым средством изображения комических ситуаций и одним из средств создания художественных приемов и обрисовки художественных деталей, служить стимулом динамики повествования и пр. Так, НО служит одним из ключей к пафосу романа М.Шолохова «Тихий Дон» уже в первом его томе: – *С холодным презрением играл он чужой и своей жизнью, оттого прослыл храбрым: четыре георгиевских креста и медалей выслужил. На редких парадах стоял у полкового знамени, оваянного пороховым дымом многих войн: но знал, что больше не засмеяться ему, как прежде; знал, что ввалились у него глаза и остро торчат скулы; знал, что трудно ему, целую ребенка, открыто глянуть в ясные глаза; знал Григорий, какой ценой заплатил за полный бант крестов и производства.* Союз НО ставит официальные заслуги и самоощущения героя в от-

ношения резкой противоположности. Он символизирует их несовместимость, водораздел, пропасть. Отчаянно храбрый Мелихов, будучи одновременно человеком честным и совестливым, осознал, что массовые убийства оправдать нельзя. Аморальная братоубийственная война показана автором как величайшая трагедия, имевшая тяжелые последствия и для личности, и для страны в целом. Союз как *знак основного мотива* – безысходности жизни Колки Паратова – можно проиллюстрировать рассказом В.Шукшина «Жена мужа в Париж провожала». Основную коллизию здесь составляет столкновение супругов как двух совершенно разных типов людей с несовпадающими жизненными ценностями: – *Он бы уехал в деревню, но как подумает, что тогда лишится дочери, так...;* – *Дочка смеялась, а Кольке впору было заплакать злыми бессильными слезами;* – *Думал и ничего не мог придумать.* Представление о характере персонажа метко дается одной из фраз другого рассказа В.Шукшина – «Обида», где продавщица магазина по-хамски оскорбляет Сашку Ермолаева, ошибочно приняв его за вчерашнего пьяницу-скандалиста: – *Может быть, она и поняла, что обозналась, но не станет же она, в самом деле, извиняться перед кем попало. С какой стати!* Это шукшинское НО, равное ВОПРЕКИ, тоже весьма значимо. В нем уже заложено объяснение сути продавщицы, привычная развязная вседозволенность которой в роли хозяйки положения не допускает возможности собственной неправоты и тем более извинений. Пусть лучше пострадает чужой и безразличный ей человек, чем ее собственное самолюбие. Начало того же рассказа с другим противительным союзом служит художественным приемом стимулирования размышлений читателя, поскольку содержание рассказа скорее опровергает сентенцию повествователя, нежели ее подтверждает: *Благоразумие* (читай: непротивление злу, покорность, пассивность) – *вещь не из рыцарского сундука, зато безопасно.* Эстетический и прагматический потенциал противительной связи находит свое выражение и в создании юмористического эффекта, что иллюстрируется выдержками из рассказов А.П.Чехова. В диссертации приводятся образцы текстов, семантическая структура которых построена на противительной связи. Т.о., под влиянием дискурса адверсативные союзы приобретают статус художественного приема. Они становятся эффективным инструментом порождения разнообразных текстовых и подтекстных смыслов. Проведенный анализ подтверждает справедливость слов академика В.В.Виноградова о том, что сочинительная связь способна управлять «движением словесной стихии», а также тезисов Н.А.Николиной «успешность интерпретации художественного текста связана с определением характера отношений в тексте <...> и установлением связи его элементов» (2003) и Е.И.Костанди о том, что «связь в целом – важнейшее средство реализации общей авторской установки в определенных коммуникативных условиях, средство формирования коммуникативно-прагматической направленности речи» (1999).

Заключение

Проведенный в диссертации анализ позволил утверждать *системную организацию* сложносочиненных предложений противительного характера. На язы-

ковом уровне системное строение представлено двояким образом. Это синтаксические *поля* предложений с конкретными союзами с отношениями противопоставления составляющих их частей (ССВ) и их связанности определенным общим значением: сопоставлением (союз А), противопоставлением (союз НО), ограничением (союз ТОЛЬКО), возмещением (союз ЗАТО) и пр. Категория адверсативности в целом, заключая в виде составных частей эти частные подсистемы, связывает их инвариантным значением сопоставления, что дает ей основание называться моноцентричной. Одновременно системная организация противительного звена русского паратаксиса зиждется на основе еще и отношений подобия. В этом случае в виде подсистем этой общей системной организации выступают *синонимические ряды* предложений с противительными союзами. Синтаксические поля и синтаксические синонимические ряды вместе взятые дают основание считать категорию противительности русского языка системно упорядоченной. Нельзя не сказать и о том, что *полевая* система и система синонимических взаимодействий не отличаются безоговорочной жесткостью. Они достаточно гибкие, допускающие возможность некоторых исключений из общих правил. Проявления определенной нечеткости в *полевых* адверсативных системах заключается в синкретичности (способности совмещения двух и более частных противительных значений, что несколько размывает границы секторов противительных полей. А проявления нечеткости синонимических систем заключаются, например, в случаях не исключительного, а преимущественного употребления одного из союзов, оставляющего некоторые возможности функционирования другого союза в нетипичных для него реализациях. Все это, очевидно, характеризует вполне естественный динамизм противительной системы, например, постепенное проникновение традиционно книжного союза НО в спонтанную разговорную речь и постепенное движение этого союза к стилистической нейтральности.

Системные отношения противительных (шире – сочинительных) предложений прослеживаются и на *текстовом уровне* в художественной речи. Проявляются они в связи союзных высказываний с дискурсом литературного произведения, его проблематикой и со специфическими сферами его художественного пространства, что обуславливает различного рода текстовые приращения и подтекстовые смыслы. Текстовая система менее строгая, по сравнению с языковой. Давая лишь общее представление о системных связях противительных высказываний, она изменчива в зависимости от многочисленных и разнообразных дискурсных и текстовых факторов, начиная с личности автора и его творческих устремлений.

Более точно проведенное исследование противительных предложений следует назвать *системно-функциональным*, представленным как на уровне языка (1-я и 2-я главы), так и на уровне текста (3-я глава). Более общей языковой функцией категории противительности на уровне ССП является функция моделей типа [] а [] и др., состоящая в передаче значения союзов как их потенциального назначения. Совокупность ССВ как коммуникативных возможностей, «способов поведения» моделей адверсативных предложений представляет собой их функциональную парадигму. Мы солидарны с Н.К.Онипенко в том, что

ССВ, в ее терминологии «коммуникативные регистры», «одной своей стороной (парадигматической) обращены к языку-системе, другой – к языку-тексту» (2001) и с А.В.Бондарко, утверждающим, что типовые «категориальные ситуации функционально-семантического поля» (в нашей терминологии ССВ) «связывают элементы парадигматической системы языка с речевой синтагматикой» (2008). Поэтому статус ССВ следует назвать нечетким статусом языковой модели из-за подвижности их речевого лексико-грамматического наполнения. Комплекс ССВ адверсативных моделей, в свою очередь, есть тот функциональный потенциал, который программирует конкретное поведение союзов в речи в связи с разнообразными экстра- и интралингвистическими факторами (средой): макро- и микроконтекстами, речевыми ситуациями как отношениями участников речевого акта, интенциями автора, фоновыми знаниями, лексико-грамматическим наполнением высказываний. При этом имеются в виду функции не только семантические, но и стилистические (в том числе экспрессивные). Конкретные высказывания выполняют самую узкую коммуникативно-прагматическую нагрузку – речевую, зависящую от многообразных названных факторов, отвечая идее целесообразности и уместности языкового средства в каждом единичном случае речевого общения.

Все *три* проанализированные системы в языке и художественном тексте оказались *взаимосвязаны*. Полевая языковая система предвосхитила системные синонимические отношения, показав взаимосвязи ССВ. Анализ синтаксической синонимии, в свою очередь, позволил подтвердить основы системной организации адверсативности, уточнил смысловые, структурные, стилистические и фразеологические рамки употребления А и НО, а значит, их специфику, показал существование отдельных признаков противительности не в абсолютном виде, а в тенденции, продемонстрировав связь языковой нормы значений противительных союзов с дискурсивными типами ситуаций. Речевая система, являясь производной от языковой, дополнила системную картину категории противительности в ССП зависимостью функционирования адверсативных высказываний от самых разнообразных факторов дискурса, в первую очередь, от интенций автора речи, обуславливающих появление приращений текстовых смыслов. В принципе любой союз – одно из средств осуществления авторских целей в утверждении характера соотношений компонентов противительного высказывания, а значит, прагматической направленности речи, в терминологии исследований последнего времени – одно из средств передачи субъективизма, эгоцентризма, иллюкутивности. Однако каждый союз осуществляет иллюкутивную функцию в разной степени, т.к. говорящий выбором союза подчеркивает различные нужные ему аспекты соотнесенности компонентов. В большей степени соответствует художественно-изобразительному регистру союз А, поскольку он, помимо участия в описании сопоставляемых ситуаций, во многих случаях участвует и в создании их эмоциональной оценки (эмотивности). Союз НО в значительно меньшей степени способен играть роль языкового «эгоцентрика» (термин, принятый Е.В.Падучевой и др.) или «штифтера» (термин Р.Якобсона), т.е. слова, которое «выражает связь сообщения с речевым актом: с субъектом речи и с субъектом восприятия речи» (Гуреев, 2004). При этом на-

до сознавать, что прагматическая направленность союзов обусловлена и характером описываемых дискурсивных ситуаций, в зависимости от чего конкретные противительные предложения даже с одним и тем же союзом бывают субъективированы в большей или меньшей степени.

Учет языковых значений и разнообразных функций в их отношении к говорящему, т.е. учет эгоцентризма как присутствия в грамматических единицах личностного начала говорящего, обусловленного его видением мира и иллюктивными намерениями, – один из важных аспектов системно-функционального анализа – аспект, на который русская лингвистика обратила пристальное внимание относительно недавно, в последние десятилетия. Признак эгоцентризма адверсативных предложений дает основание назвать русскую категорию адверсативности субъективно-объективной категорией. Антропоцентрический взгляд помогает понять причины употребления противительных предложений, корнящиеся в языковой картине мира говорящего, и показывает, как противительные высказывания (пусть лишь в определенной мере) служат зеркалом личности автора речи, а на некоторых участках своего функционирования – даже некоторых особенностей русского национального характера. Рассмотрение грамматических категорий под антропоцентрическим углом зрения, сохраняя строго системный подход к языковым единицам, выработанный структурно-семантической традицией, позволяет сочетать описательный аспект адверсативных конструкций с объяснительным. В связи с этим тандем структурно-семантической и антропоцентрической парадигм представляется актуальным и перспективным для изучения русского синтаксиса. Открывшиеся возможности разнообразнейшей роли адверсативных высказываний в художественной речи дают основания предполагать, что русский синтаксис имеет огромные потенциальные, пока еще до конца не изученные ресурсы реализации своих эстетических функций, что также сопряжено с перспективами дальнейших исследований.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монография

1. Бакалова З.Н. Функционально-коммуникативный аспект сочинительных конструкций художественного текста (на материале романа М.А.Булгакова «Белая гвардия») [Текст] / З.Н.Бакалова. – Самара, 2007 (9 п.л.).

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

2. Бакалова З.Н. Сочинительные союзы как ключи художественного текста [Текст] / З.Н.Бакалова // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2008 (0,4 п.л.).
3. Бакалова З.Н., Краснова Е.А. Художественная роль сочинительных союзов (на материале рассказов В.М.Шукшина) [Текст] / З.Н.Бакалова, Е.А.Краснова // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и международная коммуникация. № 3. – Воронеж, 2008 (0,4 п.л.) (степень участия З.Н.Бакаловой – 50 %).

4. Бакалова З.Н. Соотносительность противительных союзов в антропоцентрическом аспекте [Текст] / З.Н.Бакалова // Вестник Самарского научного центра РАН. – 2008. – № 4. – Самара, 2008 (0,3 п.л.).
5. Бакалова З.Н., Починяева (Ананьева) О.А. Монтаж экспрессивного художественного текста средствами разделительной связи [Текст] / З.Н.Бакалова, О.А.Починяева (Ананьева) // Вестник Самарского научного центра РАН. – 2008. – № 4. – Самара, 2008 (0,4 п.л.) (степень участия З.Н.Бакаловой – 50 %).
6. Бакалова З.Н. Функционально-коммуникативный аспект языковых единиц художественного текста [Текст] / З.Н.Бакалова // – Великий Новгород, 2008 (0,4 п.л.).
7. Бакалова З.Н. Русский союз «ЗАТО»: семантическая и стилистическая специфика с антропологических позиций [Текст] / З.Н.Бакалова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. № 4 (2). – Киров, 2009 (0,4 п.л.).
8. Бакалова З.Н. О двух действующих парадигмах изучения русского паратаксиса [Текст] / З.Н.Бакалова // Вестник Самарского научного центра. Серия гуманитарных наук. – Самара : СамГУ, 2010 (0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

9. Умова (Бакалова) З.Н. К вопросу о значении противительного союза НО в сложносочиненных предложениях современного русского языка [Текст] / З.Н.Умова // Уч. зап. Куйбышевского педин-та. Вып. 52. – Куйбышев, 1967. (1 п.л.).
10. Умова (Бакалова) З.Н. К вопросу о синонимике сложносочиненных предложений с противительными союза А и НО [Текст] / З.Н.Умова // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та. Вып. 26. – Кемерово, 1971. (0,9 п.л.).
11. Умова (Бакалова) З.Н. Употребление противительных союзов А и НО в синонимических сложносочиненных предложениях (с сопоставительно-ограничительными отношениями между компонентами) [Текст] / З.Н.Умова // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та. Вып. 30. – Кемерово, 1972. (0,9 п.л.).
12. Умова (Бакалова) З.Н. Значение несоответствия в сложносочиненных предложениях с противительной связью (на материале конструкций с союзом А) [Текст] / З.Н.Умова // Теоретические и методические проблемы грамматики и стилистики русского языка. – Барнаул, 1974 (0,5 п.л.).
13. Бакалова З.Н. Об однозначности союза А (на материале сложносочиненных предложений русского языка) [Текст] / З.Н.Бакалова // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – . Вып. 7. – Томск, 1977 (0,4 п.л.).
14. Бакалова З.Н. Системная организация сложносочиненных предложений с союзами «А» и «НО» и их соотносительность [Текст] / З.Н.Бакалова : автореф. ... канд. филолог. наук. – Томск, 1980 (1,2 п.л.).
15. Бакалова, З.Н. Идентификация семантико-синтаксических значений ограничения и несоответствия [Текст] / З.Н.Бакалова // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Томск, 1980 (0,4 п.л.).

16. Бакалова З.Н. Предложения со значением сопоставительного следствия [Текст] / З.Н.Бакалова // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Томск, 1981 (0,4 п.л.).
17. Бакалова З.Н. Соотносительность сложносочиненных предложений с союзами А и ИО в семантической сфере несоответствия [Текст] / З.Н.Бакалова // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток, 1981 (1 п.л.).
18. Бакалова З.Н. Значение противительного союза ИО в современном русском языке [Текст] / З.Н.Бакалова // Семантическая структура слова. – Кемерово, 1984 (0,5 п.л.).
19. Бакалова З.Н. Сопоставительные конструкции. Структура и функционирование [Текст] / З.Н.Бакалова // Предложение в русском языке. Структура, семантика, функционирование. – Омск, 1985 (0,9 п.л.).
20. Бакалова З.Н. Сложносочиненные противительные предложения в художественной речи [Текст] / З.Н.Бакалова // Художественная речь: общее и индивидуальное. – Куйбышев, 1988 (0,5 п.л.).
21. Бакалова З.Н., Долинская Л.Д. Логическая структура несоответствия в сложносочиненных противительных предложениях русского и английского языков [Текст] / З.Н.Бакалова, Л.Д.Долинская // Художественная речь. Функциональный и сопоставительно-функциональный анализ текста. – Самара, 1992 (0,75 п.л.) (степень участия З.Н.Бакаловой – 70 %).
22. Бакалова З.Н. О системной организации сложносочиненного предложения [Текст] / З.Н.Бакалова // Актуальные проблемы русистики : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения проф. Л.И.Алексеева (9–12 сентября 1998 г.). – Самара, 1998 (0,2 п.л.).
23. Бакалова З.Н. О соотносительности сложных предложений со значением уступки-несоответствия [Текст] / З.Н.Бакалова // Семантика языковых единиц : материалы международной конференции в МГОПУ (2-5 марта 1998 г.). – М., 1998 (0,6 п.л.).
24. Бакалова З.Н. Синонимия как метод выявления системной организации сложносочиненного предложения [Текст] / З.Н.Бакалова // Синтаксические связи и синтаксические отношения в русском языке : материалы Всероссийской конференции (28-29 мая 1998 г.). – Ставрополь, 1998 (0,3 п.л.).
25. Бакалова З.Н. Изучение сложносочиненного предложения в школе [Текст] / З.Н.Бакалова // Воспитание языковой личности. – Самара, 1999 (0,4 п.л.).
26. Бакалова З.Н., Муковнина Е.Т. Сочинительные конструкции в публицистической речи (телевидение) [Текст] / З.Н.Бакалова, Е.Т.Муковнина // Педагогический процесс как культурная деятельность : материалы и тезисы докладов 3-й научной конференции (4-8 дек. 2000 г.). – Самара, 2000 (0,2 п.л.) (степень участия З.Н.Бакаловой – 50 %).
27. Бакалова З.Н. Суггестивная роль сочинительной связи в романе М.Булгакова «Белая гвардия» [Текст] / З.Н.Бакалова // Человек. Язык. Искусство : материалы международной научно-практической конференции 14-16 ноября 2000 г. – М., 2001 (0,2 п.л.).
28. Бакалова З.Н. Художественная роль сочинительной связи [Текст] / З.Н.Бакалова // Русский язык и литература: вопросы истории, современ-

- ного состояния и методики преподавания в вузе и школе. Общероссийская научная конференция языковедов России (6-8 мая 2001 г. Самара). Ч. 1. – Самара, 2001 (0,5 п.л.).
29. Бакалова З.Н. Изучение сочинительной связи русского языка в функциональном аспекте [Текст] / З.Н.Бакалова // В.И.Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию В.И.Даля (Иваново, 5-7 апреля 2001 г.). – Т. 2. – Иваново, 2001 (0,75 п.л.).
 30. Бакалова З.Н. Композиционно-языковые средства выражения экспрессивной сферы художественного пространства литературного произведения (на материале романа М.Булгакова «Белая гвардия») [Текст] / З.Н.Бакалова // Языковые средства в системе текста и дискурса. Памяти А.Н.Гвоздева. – Ч. II. – Самара, 2002 (0,4 п.л.).
 31. Бакалова З.Н., Ананьева О.А. Нетрадиционные пути изучения сложносочиненного предложения [Текст] / З.Н.Бакалова, О.А.Ананьева // Непрерывное образование. Опыт, проблемы, перспективы. – Вып. 7. – Самара, 2002 (0,2 п.л.) (степень участия З.Н.Бакаловой – 50 %).
 32. Бакалова З.Н. «Золотое сечение» в романе М.Булгакова «Белая гвардия» [Текст] / З.Н.Бакалова // Филологическая проблематика в системе высшего образования : межвузовский сб. научных трудов. – Вып. 1. – Самара, 2002 (0,3 п.л.).
 33. Бакалова З.Н., Ананьева О.А. О функционально-коммуникативном аспекте изучения разделительных конструкций с союзом ИЛИ [Текст] / З.Н.Бакалова, О.А.Ананьева // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А.Х.Востокова) : материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 15-17 ноября 2006 г. / Отв. ред. В.А.Козырева. – СПб., 2006 (0,25 п.л.) (степень участия З.Н.Бакаловой – 50 %).
 34. Бакалова З.Н. О некоторых экспрессивных эффектах сочинительных высказываний в романе М.Булгакова «Белая гвардия» [Текст] / З.Н.Бакалова // Наука и культура России : Международная научно-практическая конференция (2008; Самара). V Международная научно-практическая конференция. Наука и культура России. 26-27 мая [посвященная Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: материалы] / Ред. кол.: А.В.Ковтунов [и др.]. – Самара, – 2008 (0,25 п.л.).
 35. Бакалова З.Н. О подтексте художественного произведения [Текст] / З.Н.Бакалова // Русская словесность в контексте мировой культуры : Международная конференция в г. Нижний Новгород. (3-5 октября 2007 г.). – Нижний Новгород, – 2008 (0,3 п.л.).
 36. Бакалова З.Н., Краснова Е.А. Художественная роль сочинительных союзов в рассказе В.М.Шукшина «Срезал» [Текст] / З.Н.Бакалова, Е.А.Краснова // Материалы V юбилейной международной научно-практической конференции «Татищевские чтения»: актуальные проблемы науки и практики // Гуманитарные науки и образование. Часть II. – Тольятти, – 2008 (0,4 п.л.) (степень участия З.Н.Бакаловой – 50 %).

37. Бакалова З.Н. Сочинительные конструкции художественной речи в функциональном аспекте [Текст] / З.Н.Бакалова // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: труды международной научно-практической конференции (Кемерово, 4 июля 2008 г.) / Под ред. Л.А.Араевой. – Кемерово, – 2008 (0,2 п.л.).
38. Бакалова З.Н. Роль сочинительной связи в вербализации концепта «Дом» в романе М.Булгакова «Белая гвардия» [Текст] / З.Н.Бакалова // Языковая картина мира : лингвистический и культурологический аспекты. – Бийск, 2008 (0,3 п.л.).
39. Бакалова З.Н. Художественный текст как высший акт коммуникации глазами лингвиста [Текст] / З.Н.Бакалова // Структура и семантика : доклады XII международной конференции. – Т. 1. – М., – 2009 (0,4 п.л.).
40. Бакалова З.Н. О синонимии сложносочиненных предложений адверсативного типа [Текст] / З.Н.Бакалова // Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка. 20-23 марта 2010 г. – Самара, 2010 (0,25 п.л.).

Подписано к печати 26.10.2010. Бумага типографская.
Формат 60х84 1/16. Печать оперативная. Заказ № 1929
Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано УОП СамГУ
443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1

